

Алексей СМИРНОВ ★ ЛИРА ВОДОЛЕЯ ★ Избранное

Алексей
СМИРНОВ

ЛИРА ВОДО ЛЕЯ

Избранное

МОСКВА **новый хронограф** 2021

Алексей
СМИРНОВ

ЛИРА ВОДО ЛЕЯ

Избранное

УДК 821.161.1-94 Смирнов А.
ББК 84(2=411.2)6-49 С
С 506

Смирнов А. Е.

С 506 Лира Водолея. Избранное – М. : Новый Хронограф,
2021. – 184 с.

ISBN 978-5-94881-470-4

В юбилейном избранном представлены стихи разных лет, в том числе публикуемые впервые.

УДК 821.161.1-94 Смирнов А.
ББК 84(2=411.2)6-49 С

Булат Окуджава и Борис Слуцкий
обсуждают стихи Алексея
Смирнова на Семинаре поэзии
Общественного совещания
молодых писателей.
Дом творчества. Софрино, 1975 г.

К ИСТОРИИ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Мои сверстники достигли того рубежа, когда поколение наших отцов посмертно проходит черту своего столетия. Эти люди родились в 20-х годах XX века. Они разделили с ним его надежды, утраты, заблуждения. Но на них лег отблеск высокого света. Школьниками или чуть старше их призвала война. А те, что вернулись, сделали все, чтобы о ней забыть и не рассказывать нам. Ни отец, ни его товарищи в моем присутствии никогда не вспоминали о войне. Я хотел видеть в них героев, но никаких проявлений героизма добиться от их памяти не мог. О том же сожалели и мои друзья. В нашем сознании возникло противоречие между звучавшими все громче государственными фанфарами Победы и молчанием победителей.

Первая скромно изданная книжка стихов Бориса Слуцкого «Память» всколыхнула читателей не нагнетанием, а снижением героического начала; не военными подвигами, но правдой страдания.

Я носил ордена.
После — планки носил.
После — просто следы этих планок носил,
А потом гимнастерку до дыр износил.
И надел заурядный пиджак.
А вдова Ковалева все помнит о *нем*,
И дорожки от слез — это память о *нем*,
Сколько лет не забудет никак! *

* Борис Слуцкий. Память. М., 1956.

Булат Окуджава, который так растревожит наши сердца своими песнями, обращаясь к однополчанам, думал перед боем о тех, кто придет потом.

Ребята,
когда нас выплеснет из окопа
четкий приказ,
не растопчите этих цветов в наступленье:
пусть синими их глазами
глядит на нас
идущее за нами поколение *.

В кругу «синеглазых» московских поэтов авторитет фронтовиков, отмеченных такой независимой позицией и литературным талантом, был чрезвычайно велик. Поэтому, когда в 1975 году они согласились провести семинар с молодыми в Доме творчества под Москвой, все кто мог устремились туда. Отбор на благонадежность, устроенный для нас комсомольским начальством, преодолел не каждый. Но Окуджава, знавший меня по «Магистрали», пригласил в свой семинар, минуя официальный отвод.

Дирижировал занятиями Слуцкий, а Булат в роли соведущего вместе с Борисом Абрамовичем подводил итоги обсуждениям. В том числе и моему. Именно этот момент запечатлен на любительском фото. Оно было сделано неожиданно. Я вообще не заметил, когда и кем. Чисто рабочий эпизод. Слуцкий обращается к Окуджаве с просьбой высказать свое мнение об услышанном. и это мнение мне пока неизвестно...

* Булат Окуджава. Острова. М., 1959.

* * *

Городские старые ворота,
 есть в вас неразгаданное что-то,
скрытое в покачиванье, хрипе,
 легком вздохе и коротком скрипе.
Вы добротной плотничьей работы.
 Величавы ваши повороты.
Не словцо, а целое реченье.
 Разве расставанье? Вороченье.
Приотворены, полураскрыты,
 вы — обложка книжки позабытой,
а за вами — белая страница,
 тонкий наст, как первый лист, лучится.
Свежий снег, он только-только выпал.
 Чистый двор, как типографский титул.
А на нем разбросаны без спешки
 крупные, как буквицы, полешки.
Жизнь — еще не читанная книга
 встанет вся от мига и до мига
предо мной за створкой переплета.
 Лишь бы не захлопнулись ворота.

Что служит
достоянием поэта?

1

**ЛУБЯНОЙ ГОРОДОК
(1237 год)**

Тешь прохладой, река,
глубиной —
холодок.

Не крупней коробка
лубяной
городок.

Бересты завиток
распусти
у моста —

и плывет городок,
парусит
береста.

Он до щепочки сух
и легóк
над водой,

что качает, как пух,
коробок
лубяной,

Но встает по горам
балдахинами
дым.

Нудно служит комар
панихиду
живым.

Вот Рязань — вот седло,
смерь,
Батый, синеву

И скажи веселó:
«А теперь —
на Москву!

Поднялась у воды —
на воде
и сгоришь...

Жги, стрела-поводырь!»
Паклю вдел,
сделал пыж.

Полетела судьба,
чуть звеня,
а за ней

развевался, шипя,
пыж огня
все пышней.

Искры в темень кроши!
Власть
до хруста проста.

Затрещали кресты,
занялась
береста.

Вспыхнул ворох огней.
Мы от пекла
слабы.

Вместо Божьих церквей
встали пепла
столбы.

Нам терзаться невмочь.
Мы, как свечи,
горим.

Сжался, красная ночь!
Лучше сеча,
чем дым...

Будет долго еще
жаркий бред
нас томить.

Двести зим горячо.
Двести лет
не остыть.

Люди пришлые злы.
Что им зной,
что им Бог?

Эти волны золы —
лубяной
городок.

КУРСОВОЙ ПЕРЕУЛОК

Маме

Была моя Москва невелика,
Всего б и счел прохожий удивленный
Четыре переулка, сквер зеленый,
А над зеленым сквером облака.
Ряд окон и пожухлая трава
Да тополей неровных колыханье —
Все пробегалось на одном дыханье:
Вдохнешь поглубже — вот и вся Москва.

Лишь только на краю ее крутом
Медь с медью затевала перезвоны,
Как на другом немедленно вороны
Взлетали в переулке Курсовом.
Границею Москвы была река,
И не могло сомненье зарониться:
Замоскворечье — это заграница,
Далекие чужие берега.

И что за дело, если все кругом
Давно уже Большой Москвой зовется?
Я крикну — и мой голос отзовется
В послевоенном городе моем.
Он для меня останется таким,
Каким он был в тот вечер отдаленный:
Четыре переулка, сквер зеленый
И облака, летящие над ним.

КАКАО

Еще переполнены в доме подвалы.
 Так трудно с жильем.
 Нет часто угла, а квартир и подавно,
 Но все же живем.

На столике — бирка, на тумбочке — штемпель.
 Шкаф с номером «100».
 Фанерные стены, обои и мебель —
 Казенное всё.

На кухне толкуются двенадцать хозяек.
 Объявлен заем.
 В палатке торгуют одними гвоздями,
 А все же живем.

Еще только-только убрали развалку
 (Расчеты с войной),
 И в чайник не жменями сыплют заварку —
 Щепоткой сухой.

Дурит карачун — электричкам попутчик,
 Балует ножом.
 Ближайшая цель — дотянуть до полочки,
 А все же живем.

Мальчишки на лед на салазках съезжают,
 Теплеет река,
 И трещины мартовский лед покрывают,
 Как сеть паука.

Пошел по воде тихоходный «трамвайчик»,
 Он первый у нас.
 А дворники в спину пореже таращут
 Наметанный глаз.

Уже говорит комендант по-татарски
Кассирше-жене,
Что стали скупее жильцы на подарки,
Что жить тяжелей...

На черном диване ворочает тело,
Сопит под пальто.
Упруго, бывало, пружина скрипела,
А нынче не то...

Из дворика тянет кислятиной, щами —
Объедками дня.
Там кошки строптивные роются, тщаньем
Друг друга дразня.

И вдруг:

Возденут усы,
Как будто бы невидаль в доме какая...
А это в носы
Потек им щекочущий запах какао.

Его не узреть.
Ползет он невидимой тоненькой дымкой,
И можно вертеть
Всю ночь головами в борьбе с невидимкой.

Какао в Москве —
Весенней, холодной, оборванной, бóсой —
На реденький сквер
Вливается песенкой сладкоголосой.

Откуда оно?
Бог весть из каких птицерайских бразилий —
На мутное дно
Кривых переулков голодной России!

Когда на ладонь
Мне выполз химический червь карандашный,
И косо, как конь,
Сморгнул весовщик, пачку гречи продавший,

Когда за спиной
Давилась толпа, напирая и ширясь,
Из пачки худой
Гречишные зернышки шустро крошились,

Как тяжко пыхтя,
Воздев над рекой корпуса, как уступы,
Кондитер «Октябрь»
Продул прокопчено-кирпичные трубы.

Фабричный сигнал
Над крышами зычно гудит, как октава,
И тянется к нам
Упругая, стойкая струйка какао...

С аванса домой
Сосед возвращается, молча качаясь.
У двери входной
Роняет ключи и воюет с ключами.

Песок на локтях,
Как жук, золотая на кепке кокарда.
А «Красный Октябрь»,
Клубясь, обдает нас дыханьем какао.

2

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Еще туманен город
И улицы пусты,
А сумеркам за ворот
Легко совать носы.

Не различишь деталей.
Булыжная рысца.
То угол налетает,
А то торец дворца,

Где в темноте кусачей
Над склёстом двух дорог
Зеленый глаз кошачий
Вдруг вспыхнул и обжег.

Река под мыльной мглою,
И в клочьях темноты,
Как прачки над водою,
Горбатятся мосты.

Не город — тьмы разливы,
И больше ничего.
Но памятью счастливой
Предчувствуешь его:

Гул утренних трамваев,
Толпы подземный гам...
К каким несешь, кривая,
Заветным берегам?

Вся Прага в ранней рани —
Химер беззвучных крик.
Но с тайным замираньем
Ты слышишь голос их!

Сто улиц проезжаешь,
Не видя ни одной,
А сердцем понимаешь,
Что это город — твой.

СНЕГОПАД НАД ПРАГОЙ

В глубокие пропасти готики,
На выпуклый щит площадей,
На пестрые женские зонтики
И влажные лица детей,
На крыши трамваев гремящих,
Тугих апельсинов лотки,
На скачущий под гору мячик,
На волосы, шапки, платки,
На все, что ему попадалось
И без предпочтенья на всех
Он падал, и падал, и падал —
Крученный, стремительный снег!

Стал воздух мелькающим, русым,
Растрепанный пухом косым.
На Вацлавской ветви, как бусы,
Провисли, унизаны им.
Он бережно шеи укутал,

Он пышно усы опушил.
А все удивлялись: «Откуда?
С каких оглашенных вершин?»
Тяжелый, сплошной, синеватый...
А следом в метельном дыму
Уже не «откуда» — «куда ты?»
Летело вдогонку ему.

Лоточник спасал апельсины.
К нему приставали: «В каком
Году был подобный же, сильный?»
А он и не помнил — в каком.
Не помнил молочник лобастый.
Не помнил — и баста! — грудаст
И густ, как томатная паста,
Мясник — заклинатель колбас.
Рыхлила цветочница комья.
«Куда уже глубже копать?»
Я Моцарта мальчиком помню,
Но чтобы такой снегопад...»

Пунцовели, оранжевели
И крылья взметали к нему
Жар-птицами оранжереи,
Как южный мираж на снегу.
Парящий среди декораций,
Струящийся в четком окне
Контрастно, без всяких градаций
На черной, как уголь, стене.

Он слыл наваждением фатальным,
Поднявшись над городом в рост.
Напрасно его выметали
Фонтанами из-под колес,
Сгребали в сугробы, сметали,
Месили, пугали весной.

Напрасно, как ложки в сметане,
 В нем вязли, кричали: «Постой!
 Пошел ты не вовремя, слышишь?
 Неправильно, косо идешь.
 Такая ходьба через крыши
 Не ставится нами ни в грош!»

Но критике не возражая,
 Ее не туманя ума,
 Он сеялся, преображая
 Людей, перекрестки, дома.
 Смешался со светом вечерним
 Его удивительный свет.
 Двойным необычным свеченьем
 Был город вечерний продет.
 Когда же погасло свеченье
 За краем оттаявших роц,
 Сказали: «Вот это — явленье.
 А щедрость какая!.. А мощь!..»

ИВА

Март приблизился внезапно.
 Стало тихо и светло,
 Словно кто-то выпил залпом
 Злое зимнее вино.

Распустила косы ива,
 Расчесала до земли —
 И печально и счастливо
 Пред своими дочерьми.

Все равно от них не скроешь,
 Все равно не утаишь,
 Как ты низко пряди клонишь,
 Как мучительно горишь.

3

ПЕТУШОК (1 мая 1952 года)

Заревой Петух, птенец рукотворных раев —
Самый сладкий леденец красных Первомаев!
Нес тебя я, как флажок, в гуще демонстрантов,
И скользили из-под ног тени транспарантов.
Ты, не пряча круглых глаз, видел изумленно
Всей Москвы кумач-окрас. Смех, цветы, знамена.
Милицейских лошадей гулкие подковки.
Остановки. Тьма людей. А на «Маяковке»
Как ударил баянист по сипатым кнопкам! —
Пробежал их сверху вниз и прижал всем скопом.
На плече трягнув бушлат — бескозырку в слякоть! —
Баба «Барыней» пошла орденами звякать.
Веселиться дан зарок. Выбились кудряшки,
Съехал на бок козырек летчицкой фуражки.
— Сыпь, Семенна, топочи, не жалея колодку,
Малахольных поучи рассыпать чечетку!

У меня шесток в руке. Врать не станет птица:
Ликованью на шестке не с чем и сравниться.
Сласть послевоенных лет — Петушок мой липкий!
В треск потертых кинолент влился дождик хлипкий.
Пленка рваная, куда? Захрустела: «Склейте!..»
Как чернильная звезда прыгает на ленте!
Перфорация скрипит. Мы ее поборем.
Демонстрация кипит разлитым морем.

И во сне ли, наяву — в сердце панорамы
 Красной площадью плыву на плечах у мамы.
 В пятьдесят втором году над цветочной пеной
 Подмигнул мне на беду лучший друг Вселенной.
 Пролетели огоньки радости каленой
 С Мавзолея до руки над Седьмой колонной.
 Загорелся и упал Петушок от счастья.
 Леденцовая крупа хрупнула на части.
 Обернулся я, как мог, неостановимо:
 — Мама, мама, Петушок...
 Люди — мимо, мимо.
 — Мама, мама, Петушок!..
 Руки, крики, топот.
 Вот мой праздничный ожог — вот мой первый опыт.
 Нас несет нахлёт волны, флагами алея,
 Вдоль кладбищенской стены, мимо Мавзолея.
 Как же мне тебя постичь, льющаяся лава?
 Как перекричать твой клич:
 «Слава! Слава! Слава!» —
 Если сам я — голос твой, той химеры рая,
 Что свисала над рекой, по мостам сползая?

ТИШИНА

Тишина укроет город белый,
 Ляжет снег на темные мосты,
 И порыв метели оробелой
 Не смутит покой ночной Москвы.
 Фонари над городом погасли,
 И бульвары кутаются в снег...
 Наших школ зашторенные классы
 На рассвете видят нас во сне.

Кем мы были, видят, кем мы стали,
 Что сбылось, чья участь непроста,
 Словно вместе с нами прошагали

От дверей у Крымского моста.
Этим снам не хватит ночи целой.
Как шаги морозные слышны!..
Тишина укрыла город белый,
Но не нам пугаться тишины.

Переулки наши опустели.
Сколько лун сменилось с той поры,
Как оград узорчатые тени
На сквозные падали дворы;
Как беспечны, юны, громогласны
Тишину любили мы смущать!..
Наших школ зашторенные классы
Видят нас. Не будем им мешать.

НОЧЬ РОЖДЕСТВА

Друзья оглашали вечернюю тишь,
Гуляя, как прапор в каптерке,
И черную корку за кружкой, как мышь,
Гоняли по смятой скатерке.
Ты помнишь тот флигель на спуске к Трубе,
Пронзительный голос трамвая?
Я в зиму распахивал окна тебе,
Счастливый билет отрывая.

Умел нам сочельник снежку натолочь,
Проглянул и месяц-разбойник,
Когда головами в раскрытую ночь
Клонились мы за подоконник.
Греми же, вагон, закусив удила,
Срывайся под горку ретиво,
Пусть, снег по бокам прожигая дотла,
Безумствует рыжая грива.

Высоко-Петровский молчун-монастырь
Поодаль чернеет устало.
Рождественской ночи оконная ширь
Его не признала устава.
Скажи мне, душа, как занес тебя Бог
В столицу метельного стана
Оттуда, где Лия сплетала венок
Над светлой струей Иордана;

Оттуда, где каперсом дышат холмы,
Где месяц встает над оливой,
В морозные хрусты московской зимы —
Далекой и самой счастливой?
Безбожница, старая сводня Москва,
Гремящий под окнами коник.
Любовью объятая ночь Рождества
И белый, в снегу, подоконник.

4

* * *

Над Малой Страной, в стороне,
Ночными звездами украшенной,
В слоистой ступке на Луне
Толчет мгновенья зайчик яшмовый;
И если белый порошок
Кружится в небе, дирижируя,
То это не сухой снежок,
А лунной ступки содержимое...

В СТРОМОВСКОМ ПАРКЕ

Я рисую, я стараюсь,
Вывожу за слогом слог.
Роза на зиму, как страус,
Прячет голову в песок.

А зима в овраг сползает
Без надежды на успех,
И на дне, как сахар, тает,
Оседая, рыхлый снег.

Скоро ты, душа-хозяин,
Непролазный чернозем,
Развезешь большие грязи
Под проезжим колесом.

Только в этом парке старом,
 Равновесие лова,
 Лишь потеха юным парам
 Слякоть вязкая твоя.

Освежив лиловый волос
 И умаслив жгучий фрак,
 Прилетит на грязи ворон —
 Элегантный пражский франт.

И, одернувшись игриво,
 Он скакнет куда-то вбок,
 Чтобы селезня загривок
 Завершить рисунок смог.

СОЛДАТИК (август 1968)

В тени Карпат под Самбором в лесу
 Я службу оловянную несу,
 Я танки туполобые пасу,
 Я — солдатик на посту.
 Домой никак нельзя назад,
 Со мной мой черный автомат,
 Приклад, свинцом налитый ствол,
 Он тянет вниз. О, как же он тяжел!

Уперся в Прагу красный карандаш.
 Свобода — хмель, пора кончать кураж,
 И получил приказ полковник наш
 Город взять на абордаж.
 — Постой, — кричу ему. — Назад!
 Со мной мой черный автомат,
 Приклад, и ствол свинцом налит.
 — Ты присягал.
 — Но разум не велит.

И траки заработали, дрожа,
Как мясорубки, перегной кроша,
И засверкала лезвием ножа
Наша мощь, а разум — ша.
И я остался на часах
Один в задымленных лесах,
Один, оставив в землю ствол.
Я — здесь. Границу я не перешел.

А танки за ночь сделали бросок.
Они сумели выполнить урок,
И утром чешский захрустел песок
По обочинам дорог.
Редел туман со всех сторон.
Летел над головами стон.
И сквозь моторов рваный гуд
Неслось: «Они идут! Они идут!»

И бесполезно красный светофор
Мигал над перекрестком, как укор.
Забрать детей и двери на замок,
Словно в город входит вор.
Броня ползет из-под земли,
И башни вертятся в пыли.
Слова по радио текут:
— А я им верил, что не перейдут...

На Рождество жестокий стал мороз.
Я — оловянный, я не перенес.
Была мне греза: Прага — город роз.
Я молил ее до слез:
— Домой мой прах верни назад,
Зарой мой черный автомат,
Приклад, свинцом налитый ствол
И подтверди, что я не перешел.

5

ЗЕЛЕНАЯ ПОДКОВА

Бывает, второпях срывается словечко
И, легкое, летит из уст в уста, как пар.
Бульварное кольцо, ты вовсе не колечко,
Ты замкнуто рекой, а это не бульвар.

Подыщем для тебя мы поточнее слово.
Пускай промчится конь, копытами звеня.
Бульварное кольцо — зеленая подкова,
Упавшая с ноги чудесного коня.

Быть может, без тебя не проживет и часа
Любимый город наш и все мы вместе с ним.
Я верю в то, что ты дана ему на счастье —
Покуда ты цела, он будет невредим.

ПАТРИАРШИЙ МОСТИК

Кате Смирновой

Пешеходный мостик Патриарший,
Первые вечерние огни.
Почему же ныне я не старше,
Чем в иные, давешние дни?
Храм Христа, воскреснув из былого,
Поднял шлем, в колокола гремя.

Позади — мой терем, дом Перцова.
Впереди — резной узор Кремля.

Закруглилась дальняя дорога.
Дай мне, Боже, то, что я люблю:
Постоять у отчего порога,
Глядя вслед речному кораблю.
В небесах, в их необъятном дыме,
На земле, что верою тверда,
Нету места для меня родимей
И уже не будет никогда.

Купола литые переплавить
Солнце на закате норовит.
То, что для одних — любовь и память,
Для других, быть может, только вид.
Но когда сойдут на берег гости,
Мы с тобой останемся одни
И обнимем Патриарший мостик,
Первые вечерние огни.

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Огни, бегущие дрожа,
Машин мигающие токи...
Вливается поток дождя
В их шелестящие потоки
Там, где над берегом ночным
Лишь светофор между домами
Высоким бакеном речным
В сыром качается тумане;
Где нам, по лучшей из дорог
Плывущим караванным строем,
Отпущен нашей жизни срок
И право быть его достойным.

Пока еще имеют смысл
Машин мигающие токи,
Пока поток дождя не смыл
Их шелестящие потоки...

6

НАТЮРМОРТ

Лимона кожура витая,
Как серпантин на серебре.
Над ней струится, оседая,
Пыльца в латунном фонаре.
Как будто бабочка-колдунья,
Качаясь, в струях замерла
И развернула над латунью
Свой хрупкий веер — два крыла.
В тени старинная страница
Хранит засохший стеарин,
Пыль невесомая струится,
И вьется желтый серпантин.

ТЕАТР ПАНТОМИМЫ ДВА ФРАГМЕНТА

1

Вечерняя Влтава.
Туманится мост,
и рыцаря в латах
не видно без звезд.
А в старом колодце
двора изнемог
и птицею бьется
последний звонок.

Зал маленький, черный.
 На кукольной сцене —
 немые актеры.
 Их жесты и тени.
 Движение, музыка
 неутомимы.
 В прожекторе узеньком —
 мим. Пантомимы.

2

Руки, словно белый мякиш, мягкие.
 Добрые. Теплей, чем сдобы маковые.
 Тонкие запястья ароматные.
 Пальцы в кольцах. Блеск холодной скуки.
 Руки...

Неумехи пальчики потешные.
 Руки, от признания вспотевшие.
 Ловкость рук — растяпы потерпевшие.
 Клавесина сдавленные звуки.
 Руки...

Звонкие ладони — плети хлесткие.
 Кулаки бугристые и жесткие.
 Никотин. Кривые ногти желтые.
 Хруст фаланг. Ночных арестов стуки.
 Руки...

Руки негодующие, гневные.
 Руки перепуганные, нервные.
 Рядом — утешающие, нежные.
 Узел рук. Над ними — меч разлуки.
 Руки...

Кисти рук из светлого металла
на стене еврейского квартала.
Это — тесаком война махала.
Капельки гвоздик — принявшим муки.
Руки.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

За первым снегом, слабым, бóсым,
Свечу державшим на груди,
Стал снова лес черноволосым,
Благословив свои дожди.
Мы шума их не замечали
И не хотели замечать.
Еще могли мы без печали
Смеяться, плакать и молчать.

И было так легко решиться
Запреты сбросить, как во сне,
И уповать, что прокружится
Всю жизнь над нами первый снег.
Не знать, что век его короче,
Чем перелетной стаи речь,
Что он сойдет быстрее ночи,
А вот свеча нас будет жечь.

7

МОЯ МАНСАРДА

По кровле цокают копытца
 Двух тонконогих жеребят,
 Искрится капелькой ресница,
 На солнце холки их горят.
 Зовут их Бусик и Подстёга.
 Умчатся мигом — только тронь.
 Они забрались так высоко,
 Как ни один крылатый конь.

Но я их словом не обижу,
 Рукой строптивой не спугну.
 Пускай стучат они о крышу
 И срочно требуют луну.
 Да разве не были счастливы
 Вы хоть однажды, — ей же ей, —
 Когда в окне взметались гривы
 Грибных растрепанных дождей?

Течет вечерняя «Массандра»,
 Переливаясь через край.
 Не увядай, моя мансарда,
 Поверх листвы не увядай!
 Цари над свечками каштанов,
 Над крутизной московских крыш
 И с ними в зыбь ночных туманов
 Плыви, как маленький Париж.

Я был с тобою четверть века
И, звезд расплавив серебро,
Макал в расплесканное млеко
Жар-птицы вещее перо.
Узнали Бусик и Подстёга,
Бродя пред окнами за мной,
Как жить в семи шагах от Бога,
Не покидая дом земной.

ТАБЛИЧКА

Забыли имя, дали кличку.
А век спустя к посмертной дате
С угла повесили табличку:
Стена в прострелянном квадрате.

От клятых северных сияний
Напоминаям о содоме,
Подобный пуле, след зияний
Мог проступить на каждом доме.

Но где он — каждый дом-свидетель,
Чья мгла от сырости намокла?
Где двери, сорванные с петель?
Где треснувшие в рамах стекла?

Придет бульдозер. Гирей-грушей
Махнув, сшибет немного денег,
И стены ветхие обрушит,
И рухлядь на зубах возденет.

Хотели памяти? Простите.
Туда вселяйтесь, расхотевши,
Где на крови теснятся «сити»,
Где на костях скрипят коттеджи.

ТРОИЦА

Лене Смирновой

Храм затрушен свежелою травой,
Весь увит весенними цветами.
Кажется, что Иисус живой
С улицы вошёл сюда за нами.
Мы ещё не видим в темноте,
Как стоит Он тихо за спиною,
Чуткою своею немотою
Прикасаясь к нашей немоте.

Солнечный, спустившись с хоров, луч
Тьму разнял и сделал пыль прозрачной.
Что он осветил, как алыт, певуч,
В этой душной полночи чердачной?
Лица материнского овал?
Детство, проступающее в грёзах?
Запах трав и дух сухих берёзок —
Троицы душистый сеновал.

8

РОЗА ЧЕХИИ

Дождь стеной. Не взлетим, а утонем.
А затем — перевозданная тишь.
Распустившимся красным бутоном,
Лепестками намокшими крыш,
Райской зеленью куп Валенштейна,
Крутизною холмистых Градчан
Отделилась земля... В утешенье
Что на взлете моторы кричат?

Пану Богу пришлось потрудиться,
Чтобы кварц, и гранат, и хрусталь
В недрах гор согласились родиться.
Не секрет, что Создатель устал.
Но не может бездельничать гений,
Даже если с утра занемог,
И к хрустальным побегам Богемии
Пан чудесный привил черенок.
И воскликнул: «Он принял. Bravo!
Украшай мой возлюбленный край!»
Роза Чехии — влажная Прага
Под крылом исчезает.
Прощай!

* * *

Что служит достоянием поэта?
 Лишь ощущение музыки и света,
 Да семь цветов, как радуга на воле,
 Да семь плодов от радости до боли.
 Ему дано не мало и не много:
 Его звезда, далекая дорога
 И мысли материнская основа —
 Свободное, раскованное слово.
 В лучистом тигле после ста попыток
 Он выплавит неповторимый слиток —
 Мир раскаленный, дышащий, звучащий,
 Весомый, несомненный, настоящий;
 Мир, добытый талантом и трудом;
 Сам мир, а не суждение о нем.

ПРАГА

Наташе Смирновой

Львиный коготь, царственная лапа. Смутной амальгамы
 зеркала.
 Я не соглашусь, что Прага — злата. Нет, она из
 плюмбума-стекла.
 Тот, кто этот дивный город выдул, воздух набирал
 полтыщи лет,
 А потом единым духом выдал без внесения постепенных
 лепт.
 И не просто выдул из расплава, из кипящей гущи
 хрусталя —
 О, искусства славная расправа над богатством,
 что хранит земля!
 В закоулках путайтесь, потомки. Здесь клубятся
 в глубине углов

Маленькие, тёплые потёмки с воркотней сердечных
 стариков.
 Блики окон, кровли, шпили, кромки, отблески на лицах
 кружевниц
 И трамвай, с крутой бегущий горки вдоль мансард
 и красных черепиц.
 Здесь зимой придёт пора каминам; тут с мечтою
 древний труд постичь
 Из трубы, окуриваясь дымом, вылезет чумазый
 трубочист.
 Отчий дом ему — родная крыша. Самый вид окрест
 его целит.
 Только он да Бальзаминов Миша так умеют приподнять
 цилиндр.
 Город пахнет прогоревшим углем, как «титаны» дальних
 поездов,
 Тех, что облакам его округлым посвящают свой
 прощальный зов.
 Даже и химеры здесь не страшны, даже пасти львиные
 химер.
 Каждый мной открытый дворик пражский честен
 и подробен, как Гомер.
 Хорошо стране такой легенды и такой достойной
 высоты,
 Где во тьму колен интеллигентны люди, птицы,
 звери и цветы.
 Где зароки тайные творились; где в ретортах, словно
 в полусне,
 Снадобья волшебные варились лет по сто на медленном
 огне.
 Не сыскался «философский камень», но, к познанию
 тягу утоля,
 Здесь нашлись, прошупаны руками, все рецепты варки
 хрусталя.
 И отсюда, поначалу робкий, а потом обретший звук
 и тон,

Лира Водолея

1

БЕЛА РЫБИЦА

В. Леоновичу

Бела рыбица стоит, впереди себя глядит.
Плавником не шелохнет, тростником не ворохнет.

Вор плывет на челноке. У него багор в руке,
и напильником мужик по железу вжиг да вжиг.

Бела рыбица стоит, впереди себя глядит,
помышляет в тишине: что забыл злодей на дне?

По волне челнок бежит, вор тревожится-дрожит:
«Не мути, Христос, воды. Пощади мои труды!

С белой рыбицей постой, поддержи ко мне спиной,
чтоб не ведала о том, как взмахну над ней багром».

Посмотрел вокруг Христос: темный берег, тихий плес.
Тут Господь ей знак и дай: дескать, чадо, не плошай.

И когда взлетел багор, Волга вздыбила бугор —
закружился, как листок, опрокинутый челнок...

Бела рыбица стоит, впереди себя глядит.
А ударит хвост-стрела — слышен плеск за два села.

ОСТРОВ ВЕЛИКИЙ

Д. Лебедеву

Тишина на острове Великом.
Сняты вышки. Убраны посты.
Даже чайка не тревожит криком
Этих мест проклятых и пустых.

Отвалил, забрав охрану, катер,
След его давно пропал вдали,
Только море морщится, как скатерть,
Возле этой брошенной земли.

Здесь, на неотмеченном погосте,
На бескрайней пустоши морской,
Смерть-хозяйка наигралась в кости,
Выбелена ветром и волной.

Здесь, в глуши, в таежном полумраке,
Где вокруг полярные моря,
Без вести в бревенчатом бараке
Умирала Родина моя.

Мы не помним никаких молитв,
Но среди погашенных огней
Всех нас ягель — серый мох олений
На колени ставит перед ней.

А душа в смятении великом
Взмоет чайкой — только позови...
Но никто не потревожит криком
Этот край молчанья и любви.

* * *

Сник от жары кузнечик,
Звон крылышек усох.
Наборная уздечка
Упала на песок.

Старик, к воде сгибаясь,
Кусты хватал рукой,
Прильнув, тянул губами
Текучий жидкий зной.

Как поплавок фигурный,
Глотать волну привык,
Почти без перекура
Ходил его кадык,

И вздрагивало веко
Еще у старика.
Я вспоминаю это:
Июль, уста, река.

И кажется, что, каждым
Его глотком томим,
Я предан долгим жаждам
И нет исхода им.

АВГУСТ

Г. М. Левину

Минует день. В тени уснет река.
Пройдет беда, и возвратится радость.
Пусть плывет над нами добрый август,
Издалека плывет, издалека.
Мы чтим его. Мы ветвь ему зажжем.
Не часто нам случается встречаться.
Мы не гадаем, что такое счастье,
Мы просто полночь нашу бережем.

Взлетают искры, кружится зола.
Наверно, каждым это пережито,
Когда полей серебряное жито
Пересекает, падая, звезда.
И над равниной, светом залитой,
Она, как неба первое причастье.
Мы не гадаем, что такое счастье,
Мы просто след уловим над рекой.

Шумит огонь, и птицей темнота
Взметает вверх потоки алой пыли,
И все ж сказать отважимся: «Мы были
С тобою, август, счастливы всегда.
Над нами пусть всегда она парит —
Твоя душа, ведь это в нашей власти.
Мы не гадаем, что такое счастье,
Мы просто смотрим, как огонь горит».

2

ОКА*Наташе*

Речной волны песчаный шорох,
Оки просторный поворот,
И над водой ворон тяжелых
Горластый, бреющий полет.

Прошелестит в стволах отвесных
Упругий ветер, уходя,
И тянет стая в клювах тесных
Косю кисею дождя.

Она ложится складкой первой
Нам сверху на плечи с тобой,
И хорошо под этой серой,
Под этой старой кисеей.

Когда еще, в каком столетье
Нам возвратят счастливый час,
Чтобы вот так могли смотреть мы
На все, что связывает нас:

На поворот Оки широкий,
Теченья темную струю
И на спадающую в ноги
Дождя сырую кисею...

ВИТАЮЩИЕ В ОБЛАКАХ

Витающие в облаках,
Скажите нам, что вы видали,
Когда, меняясь на глазах,
Меж облаками пролетали?
Чем не угодна вам земля?
Зачем полет так долго длится,
Что не выдерживает птица,
Упав на доски корабля?

У сердца винограда кисть.
Звук не сорвется и случайно.
Теснее за руку возьмись,
В себе мы растворяем высь,
А звезды требуют молчанья.
Сквозь нас проходят облака,
Не позволяя сбиться с круга,
И разве вечность велика,
Чтоб наглядеться друг на друга?

ТРИ СВЕЧИ

Есть в жизни моей три высоких свечи, они тонки,
но воск их тяжел.
Закрою глаза и рукой осторожно я к первой из них
прикоснусь.
Кинжальная ласточка небо вспорола, как туго
натянутый шелк,
И два в предвечерье блеснули крыла, неразлучны,
как юность и грусть.

Лети, моя славная, пир за горой, догорает вторая свеча,
И тени вечерние свой хоровод затевают по склонам
крутым.

Есть время еще, чтоб прислушаться к сердцу, как кровь
 оно гонит, стуча,
 Пока не зажегся сигнальный огонь над последним
 СТВОЛОМ ВОСКОВЫМ.

Ты, в берег неведомый веря,
 Сестер своих помни обряд,
 Пока, над Атлантикой рея,
 Их тени по звездам летят.

И нету пути постоянной.
 Как вечные сестры твои,
 Не думая о воздаянье,
 Твори свою веру, твори.

Крутая дорожка завьется,
 И все потемнеет кругом,
 Но правда твоя отзовется,
 Откликнется в сердце другом.

И пусть с запоздалою болью,
 Как это ведется людьми,
 Склонится тогда над тобою
 Бессрочная память любви.

В САДУ

Одиноко грести по вечерней туманной воде
 Или тенью брести в небесах по сверкающим клиньям.
 Если можно, веслу доверять свою участь везде,
 Где доверить нельзя ее дружно взлетающим крыльям.
 Позабыть словари. Вдруг почувствовать: ты — новичок.
 Время цепкое связь наконец-то с тобою расторгло.
 Хочешь — чутко выщелкивай соло свое: чок... чок-чок...
 Хочешь — влажным *вью-вью* освежай пересохшее горло.

На пространствах души перекрестки заветные есть.
Там живут голоса. Неужели оттуда не вправе
Доноситься до нас, хоть по капелькам, смутная весть —
Соловьиная песнь, точно плач об утраченном рае?
Это снилось однажды. Давно. Но к стыду, но к стыду
Сон прервался тогда, не успев до конца доприсниться.
Он доснится потом уже в белом небесном саду
Между избранных рек на прохладной Отцовской деснице.

АЛКОНОСТ

Что встарь, то и сегодня:
Ничуть пути Господни
Для нас не уследимы
И неисповедимы.
В чем замысел Творца?
Что возвращает эхо:
Звук плача или смеха?
Какие вести-знаки
Нам звезды шлют во мраке,
Сжимающем сердца?

Всё это тайна, тайна...
Мы можем лишь случайно
Проникнуть за покровы
На зыбкие паромы,
Плывущие туда,
Где, словно стяг, струится
Распахнутая птица,
Младая Птицедева —
Дочь райского напева,
Духовного труда.

И держит Дева свиток,
Прошитый шелком ниток,

Гласящий, что вовеки
Пребудут человеки,
Чья праведность была
Чиста и неподдельна,
Живительна и цельна,
А пагубных смятений
Мучительные тени
Не тронули чела.

Младая Девоптица —
Других миров жилица
Тебя ведет; как брату,
К Небесному Евфрату
Крылом рисуя мост.
И в воздухе весеннем
Она летит спасеньем,
А вслед сладкоголосой
Волос волнистых косы
Трепещут... Алконост!

О, там, в индийских, пряных,
Ближайших к раю странах
Ее бессонны очи,
Пока что пена ночи
Вскипает под крылом.
Сиротства нет, покуда
Нас осеняют чудо
Неведомого пенья
И тайна попеченья,
Что явлены Творцом.

3

* * *

Ни смеха не помню, ни слез,
Ни как говорила, ни что ты,
А помню лишь запах волос
Да августа полные соты.

Вечернего часа река
Сама нам плыла прямо в руки.
Прохладная дымка, легка,
Сквозила над гладью излуки.

Кукушке — гадать вдалеке.
Румянцу — гореть над водою.
Как быстро скользит по реке
Туман подвенечной фатою...

В плену поспевающей ржи
Ты шла, утопая по пояс,
И солнце зажгло у межи
Колючий, клонящийся колос.

А воздух накапливал ток
И сполохом вспыхивал где-то.
Мне в пальцах твоих посошок
Казался полоскою света.

Близ леса зияли, пусты,
Разграбленной фермы проемы.
Земля нам дарила цветы,
А небо — далекие громы.

Мы знали: здесь грозы страшны,
Но думать о них не хотелось,
И были в тебе сведены
Безропотность, нежность и смелость.

А сумерки крались уже
И с полем смешали край неба.
Ты помнишь, как пелось душе
Светло, и блаженно, и немо?

Готовились птичьи стада
К большим перелетам осенним,
А нас выводило туда,
Где кланялись камни растениям.

Мы никли над книгой утрат,
Смирнейшей книгой на свете,
И трогали вызревших трав
Сухие, сыпучие сети.

Нам жить оставалось внутри
Еще не разнятого круга
Всего-то мгновения три,
Висками касаясь друг друга.

А дальше — дорогу звезде.
Земное окончилось лето,
И нет остановок нигде
Владеющей посохом света.

Знать, писарь небесный с утра
Раскрыл тебе вечные своды,
Где молча листают ветра
Священную пропись Свободы.

* * *

День пролетит, как мгновенье:
Вот он — и нету его.
Снова туманом забвенья
Время на память легло.

Где вы, певучие лиры?
Прошлого голос далек.
Умер закат, и кумиры
Пали. Да что там *денек?*..

Век прозвучит на мгновенье,
И затерялся мотив...
Те же туманы забвенья
Зыблются, душу обвив.

Всё, чем гордились когда-то,
Сменится чувством вины
И поглотится, как дата
Греко-персидской войны.

БУКСИР

Марии Смирновой

Опускайся всё глубже, всё ниже
В прокопченную седость мансард,
Сероватое небо Парижа.
Что за дело — ноябрь или март?
И теряйся в каштановой сени,

Под мостами в сгустившейся мгле,
И скользи невесомо по Сене,
Отражаясь в толченом стекле.

Пусть осанистый и басовитый
Нас приветствует старый буксир,
Серых чаек встревоженной свитой,
Как рукою, махнувший на мир.
Что искать-де пестрот да соблазна,
А насытившись — новых пестрот?
Посмотрите, сколь разнообразно
Эта серая гамма цветет.

Как морщинится сизое знамя
Поколебленной ветром воды;
Как мелькнет желто-серое пламя
Заигравшейся в прятки звезды.
Я припомню палитру Серова,
Серебристые краски Коро
И вплыву, как на палубе, снова
В серый сумрак, в его серебро.

* * *

Всю высоту над Окою
Глазом попробуй окинь.
Кто воспарит над такою,
Тронет остывшую синь?

В час, когда воды окутал
Сизый туман заварной,
Ласточкой прынет под купол
Чья-то душа надо мной.

И отзовутся на это
Чуткие колокола
Ей, что в обители света
Чистую радость свила.

ИЗБЫ

Серебристые, серые избы,
Покосившийся старческий кров,
Беспризорные чада Отчизны,
Чуть живая добыча ветров.

Где река, изгибаясь в запястье,
Простирает озябшую пясть,
Мудрено толковать вам о счастье,
Проще к ивам прибрежным припасть

И глядеть, как, глотая солому,
Красный мусор кленовых ветвей,
Затекает беспамятный омут
Равнодушной дремотой своей.

Стану я вашим верным посыльным,
Хоть осенние дни коротки,
Хоть согбенным, немым и бессильным
Не сложить ни письма, ни строки.

Вас разрыв – повязало травую,
И дожить ли до Судного дня
Вам, склоненным над темной водою,
Проплывающим мимо меня?

Но такая за вами дорога
И такая целящая жаль,
Что хвалю я сурового Бога
За великую эту печаль.

ЭЛЕГИЯ

Ветер... Но слеза моя тепла.
Я ловлю, как на закате элин,
Средиземноморского стекла
Тусклую, расплавленную зелень.

Гаснут заклинанья ног босых —
На песке оттиснутые знаки
Между двух нахлестов ветровых
Моря, растворенного во мраке.

Вот оно зальет мои следы,
Не спросив прощения за шалость.
«Сколько бы ни шел ты вдоль воды,
А следов, как видишь, не осталось...»

Вот оно отпрянет, торопясь,
Строчкой пены, перистым зигзагом,
Втайне устанавливая связь
Меж исчезновением и благом.

И тогда прибрежный самолет,
В небе одинокий, как Исая,
Крылья над прибоем расплеснет,
Бортовыми звездами мерца.

4

ОЯ*Лене*

Старец Нептун рукояткой стального трезубца
Линию вел по границе меж морем и сушей,
И получилась такая черта, что длиною
Может успешно поспорить с чертой горизонта.
Небо и море, как полураскрытая книга,
Берег, как стол, под песочною скатертью в складках,
А у обреза морской синеватой страницы
На подсиненном и ультрамариновом фоне
Редко и робко чернеют фигурки прохожих.
Клоун с костыликом. Чернобородая Клякса,
Что семенит-семенит, отстаёт, догоняет,
Вертится, нюхает вдавленный след от копыта.
Мальчик лопаткой бросает песок. А навстречу
Две петербургских матроны — две стипендиатки
Бедных собесов влекут свои «многая лета»
И обсуждают новинки лукавой аптеки.
Солнце заходит за гривы курчавые сосен,
За меховые холмы, осадившие запад,
И поджигает сухие стволы на востоке,
Розовым пламенем их одевает бесшумно.
Штиль. Не волнуясь, прощается с берегом море,
Тины мохнатой кайму за собой оставляя.
Лунный отлив как ничто обнажает пространство.
Ряд валунов, словно головы серых тюленей,

Из-под воды показался, и камень отныне
 Служит опорой для чайки, ее пьедесталом.
 Птицы недвижны, как мрамор. Их белые бюсты
 В море уходят, готовы ко встрече Нептуна.
 Но не живые фанфары, увы, возвещают
 Выход его, а хрипучая запись-«фанера».
 Девы вокала, на месте до пят извиваясь
 У микрофонов, как рыбины, лезут наружу
 Вон из гламурной своей чешуи серебристой,
 Да будоражат природный покой на закате
 Ритма забойного две немудрящие ноты:
До — *соль-диез*, оскверняя пространство свободы,
 Чуткий насилуя слух, преступая законы
 Меры и такта, мелодии, громкости, вкуса.
 Образ кошачьих концертов и вальсов собачьих
 Плотно впечатан в сознание этой музы́ки.
 Там, на востоке, звезда надувных ресторанов
 Бойко взошла, осветившая «корпоративы»,
 И закачались, как фаллосы, длинные пальмы
 Недорогой, но на диво пахучей резины.
 Пальма на Балтике, как шоуменша, нелепа;
 Как выраженье: «Достаточно мало». Так что же
 Все-таки? Мало? Достаточно? Хватит? Не хватит?
 Как понимать эту абракадабру? О, боги!
 «Час Нептуна́, — донесли микрофоны. — Встречайте!»
 Именно так: «Нептуна́», — и ни слогом левее!
 Пена пошла, словно взбили стиральные хлопья,
 Химию с морем смешав, концентрат растворяя.
 Нам без энзимов абзац, ибо сказано, что «на
 Молекулярному рівні вони распізнають
 Вісь унікальний характер забруднень ефектно».
 Вот до чего, «курамында суды жумсартатын»!
 Под фейерверк, рассыпавшийся нудно и сухо,
 Чудик с трезубцем из хохота в пене явился,
 Сопровождаем семьей престарелых русалок,
 Ибо молоденьким зябки балтийские воды.

Коже гусиной «прикольней» на крытой веранде,
 Где саксофон поднимает головку, как кобра,
 А подающие гибко жонглируют между
 Пар захмелевших, меняя подносы с шампанским.
 Чайки такое бесчинство терпеть не согласны.
 Дружно поднявшись, они отлетают подальше.
 Даже вороны, и те... Но не вечен и праздник.
 10⁶ + 1 повторившись, умолкли
 Две немудрящие ноты, и фаллосы сдулись.
 Вновь благодатная тишь снизошла на границу
 Моря и суши. Луна заблестела моноклем.
 Пляж опустел. И, Карельский обняв перешеек,
 Ночь опустила на мягкие мхи Келломяки,
 На бирюзовые травы, проросшие в дюнах.
 Долго еще догорала багряная лента
 Слева над лесом. Но вот и она потемнела.
 Скрылись из виду стволы корабельного бора,
 Вышли в отставку старинные финские дачки,
 Разве грошовой свечой одинокого бомжа
 В ветхом окне нарушая сгустившийся сумрак.
 Мир забывал про дневное свое красноречье
 И доверялся немому кино сновидений.
 Только тогда в тишине абсолютной, звенящей
 Залепетала прохладная, чистая Оя.

* * *

— Спроси меня, кто я́, и я отвечу, кто́ я.
 Я — девочка твоя, я — маленькая Оя.
 Спешу я всех звончей, петляя между кочек.
 Я — девочка-ручей, я — Оя-колокольчик.
 В тени лесного зноя, полуденных лучей
 Я — маленькая Оя, я — девочка-ручей.
 Был ветерок летуч, а мрак листвы не редок.
 Но солнца гибкий луч бежал по жилкам веток.
 Не спрашивай, зачем ко мне клонилась хвоя
 Невидимо никем. Я — маленькая Оя.

А луч, паучьих сеток позолотивши шлем,
 Бежал по жилкам веток невидимо никем.
 Спроси меня, где я, и я отвечу, где я.
 Ты знаешь те края, там брезжит ночь, белея.
 Там парус высоко, как змей воздушный, вьется,
 Там дышится легко и весело смеется.
 Любимая аллея совсем недалеко.
 Там брезжит ночь, белея, там дышится легко.
 А на вопрос, куда стремлюсь я торопливо,
 Всегда отвечу: да, туда, к огням залива,
 К рассыпчатой, ничьей волне, мне нет покоя!
 Я — девочка-ручей, я — маленькая Оя.
 Сложился день счастливо. Угадываешь — чей?
 Туда, к огням залива. Я — девочка-ручей.

ТАНГО С ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

Во тьму египетскую мы,
 Закрыв глаза, поплыли,
 И от винта из-под кормы,
 Кипя, буруны били.
 Одной рукою капитан
 Водил штурвал покорный,
 И на глаза его туман
 Упал повязкой черной.
 Упал туман.
 Упал туман.

Мы на ветру, и мы одни.
 Ночь образумит нас ли?
 Уже сигнальные огни
 По берегам погасли.
 А киль купался на волне
 В разлитом, скользком лаке,
 И стало так спокойно мне

В том непроглядном мраке.
Спокойно мне.
Спокойно мне.

Как будто я узрел тогда,
Что у самой природы
Ее движенье в никуда
И есть венец свободы.
Вот так на ощупь и Земля
По краю звездных лилий
Скользит подобьем корабля
В бесплотной мгле чернильной.
Скользит Земля.
Скользит Земля.

БОЛЬШАЯ ПЕСНЯ

Сколько их осталось в дальней дали
У размытых забытjem времен?
Мы с тобой узнаем их едва ли,
Даже не усвоим их имен —
Избранных, прекрасных, несравненных,
Прóклятых, рассеянных во мгле,
Словно из иных они вселенных,
А не из прошедших по земле.

Сколько их, исполненных отваги,
Сердцем поверявших каждый шаг,
Кануло в расстрельные овраги,
В гиблые провалы темных шахт?
На каком покинутом погосте
Их собрал Всевидящий Господь,
Чтобы мы смогли прийти к ним в гости,
Перед прошлым страх перебороть?

Прадеды! Былые дни и ночи!
 Вас явила молодость моя.
 И в тебе оттуда эти очи,
 Нежностью хранимые моря,
 Узкие, целованные плечи,
 Влажное касанье детских рук,
 Чуткий шепот соловьиной речи,
 Горечь незалеченных разлук.

Кто из нас цыганами украден?
 Кто, как ангел, осиян, спроси,
 Горным светом западных украин,
 Горним — обездоленной Руси?
 Только перед ним еще коленям
 Преклоняться в кротости своей...
 Никогда с тобой мы не изменим
 Горьким звездам брошенных полей.

Потому мы вымолили право
 Их обидой и своей судьбой,
 Чтобы нас причалы Ярослава
 Обручили волжскою волной,
 Потому и смел тебя позвать я,
 Потому решила: «Позови...» —
 И сомкнула робкое объятье
 Ими заповеданной любви.

* * *

Прохудился лапоток,
 Надорвалось лыко.
 Взял хлебнуть вина глоток,
 Оказалось — лихо.

На болоте стонет выпь,
 Под водой овраги.

Забоялись в нашу глыбь
Заплывать варяги.

Не беда, что села дверь,
Да и дождик часто,
А беда, что всё теперь
Поделилось на сто.

Крошку склюнь у Игорька,
Воробей-воришка.
Игорьку она горька,
а тебе — коврижка.

СУШЬ

Вдали не слышно лая
Ни гончих, ни борзых,
Берущих след, сметая
Росу, как сор — без брызг.

Копыта прыти дерзкой
Тому как лет пятьсот
Не вторят королевской
Охоте из охот.

Комар, приучен к роли,
Польстясь на сахарок,
Свою толику крови
Украл и поволок.

О, эта сухость... Сухо
Во рту, а не в лесу.
И вкус грибного супа
За 28 су.

5

У РЕКИ

Чу!
Дождик шлёпает по речке —
Веселый, мелкий, золотой:
Мол, чу! Молчу.
Кручу
Колечки
По ряби, солнцем залитой.

Чу!
Тренируясь, у реки
Вприсядку ходят гусаки.
Пустяк,
А взвить не могут в синь
Косяк
Гогочущих гусынь.
Их твердь земная тяжелит,
К ней ласты липнут, как магнит.
Они не дѣйки, а домашни,
Вся их мечта — дойти до пашни.

Чу!
Дождик мечется по речке,
Мешая развариться сечке,
А речка студит котелок,
Шипя и тычась, как телок,
В горячий бок,

В речной песок
Наискосок,
И пробка — чпок!

Тут вновь уместно кликнуть:
Чу!
Я пригласить давно хочу
Случайно встреченных гостей —
И дождь (лети, стучи, усей!),
И речку, полную затей,
И стаю в семеро гусей,
Скребя остуженную медь,
На чудом сваренную
Снедь!

ВОДИЧКА

Раз водичка, надо бечь.
Ну, хотя б разочек
Проберись, попробуй втечь
В кругленький глазочек.

Как-нибудь похлопochи
И прорвешься — о-па!
Что-нибудь полопочи
Из времен Потопа.

Ты ведь тоже там была,
Заливала хворост.
Не ссылайся, сдав дела,
На почтенный возраст,

Что уж нету силы бечь,
Орошая страны;
Что одно желанье — лечь
И забыть про краны.

ПРОСТРАНСТВО

От старого мира досталась нам весть,
Доступна лишь разуму старца:
Пространство внушаемо как оно есть.
Злоречью не выдай пространства!

Сулите удачи, желайте добра,
Всех благ и семейного лада,
Спокойного моря под солнечным бра.
Без мрака, без мора, без глада.

ЛИЛИЯ

Ты тоньше вольной линии, наверно,
Под теньями персидских долгих век.
Тебя ли гибкой лилии модерна
Не уподоблю в наш недужный век?
В иной стране, подкошенной в разбеге,
Омыла ночь песок косы речной.
Иных времен серебряные реки
Баюкали тебя своей волной.

Быть может, ты и вправду не отсюда,
И к нам тебя случайно занесло.
Дорожки лунной легкая остуда
Похолодила влажное чело.
Река от неба стала черно-синей,
И жаркая пронизывает дрожь,
Когда, скользя среди прибрежных лилий,
На голос мой по заводи плывешь.

РЕЧИТАТИВ

Там, где волна пробежит валунами — и только,
Ветер качнёт рукава преклонившихся ив,
Узкого месяца жёлто-лимонная долька
Разве что рябью подёрнет уснувший залив.
Старый курильщик, сошедший с подлунного трона
К нам на террасу, в которую бьётся прибой,
Тронет губами холодный мундштук саксофона,
Сердце закружит и нас поведёт за собой.

*Besame, besame mucho,
Como si fuera esta noche la ultima vez.
Besame, besame mucho,
Que tengo miedo perderte, perderte despues.*

Дай нам дыхание, Небом дарованный Логос;
Бывший в начале, последнюю волю яви!
Пой, не смолкая, над нами, взыскующий голос —
Раненый голос себя не щадившей любви.
Сколько б нас век ни ловил в свои частые сети,
Как золотым ни сулил бы осыпать дождём,
Не для него мы однажды умрём на рассвете,
Не для него мы в открытое море уйдём.

*Besame, besame mucho,
Como si fuera esta noche la ultima vez.
Besame, besame mucho,
Que tengo miedo perderte, perderte despues.*

ЛЕМНОС

Эта женщина — игрушка;
Как инфанта, хороша.
С ней и весело, и грустно
Раскрывается душа.
По руке и рукавица.
Пясть горячая нежна.
Кто она? Отроковица
Или верная жена?

Но не зря мечтою мучат
Сокровенные черты,
Обольстительны, как участь
Обречённой чистоты.
То опустится несмело,
То закружится шутя.
В путь! К святилищу — на Лемнос
За собой зовёт дитя.

Купол звёзд мерцает кругло.
Ворох кукол на руках,
И сама она, как кукла,
В твёрдых, с пряжкой, башмачках.
Припадают к ней олени,
С ней волне не клокотать.
Как теплы её колени,
Тонки токи в локотках!

У святилища Гефеста
На пустынном берегу
Я её своей невестой
До рассвета нареку.
Длинно вспыхнет алый факел
И погасит след слезы.
И прижмётся к сердцу ангел,
Пьющий хмель ночной лозы.

6

БРИТАНИЯ

Где ветер от прежних штормов не досох,
Как веером брызнув сквозь сито,
Из палого луба, приплудных досок
Исправная палуба сшита.
Гуляя, на шканцах плясала волна,
К тунцам посылая британца;
Как вывертам Вита, училась она
Извивам и вывихам танца.

Как будто бы ей подмешал спорыньи
Нечистый, скользнувши по доскам,
А море вертело воронки свои
На плоскостях, драенных воском.
Недолгие сроки Господь отмерял
Команде девятого вала,
Но мёртвою хваткой сжимал адмирал
Кривую корягу штурвала.

Ладони в нагретое древо вдави,
Пусть пытку последнюю примут,
Пока ни забрезжит по курсу вдали
Проверенный бурями Плимут.

Не так ли поднялись, — как встарь паруса, —
 «Спитфайеры»* в огненной свалке,
 И жизнью закрыли врагу небеса
 Наследники этой закалки?!

* * *

Из волнистых, извилистых створок,
 Уснастивших морские луга,
 Море выберет капелек сорок,
 Не спеша расточать жемчуга.

Пусть иные до времени зреют
 В глубине, недоступной для глаз,
 А над ними за парусом реют
 Сорок чаек, меняющих галс.

В ком от юности дар обнаружен,
 Кто в ночных волхованьях окреп,
 Те молочным свеченьем жемчужин
 Узнаются на склоне судеб.

* * *

Блюдо с шапкой риса,
 Вместо рома сидр.
 Отчего так сиром
 В окнах моросит?

Клёны, как олени,
 Кроны, как венцы,
 И в конце аллеи —
 Мокрые цветы.

* Английские истребители времен Второй мировой войны.

ЧАЙКИ В ЛУННОМ И АЛОМ

Расплескалась по берегу мелкая, беглая накипь,
и волна отбежала, — оставив присутствия знаки, —
вниз с песчаного пандуса.

Закипела другая: «Дотронуся, ибо тянуся!..» —
и рассыпалась наискось пенная гипотенуза
наподобье стекляруса.

Но отхлынуть еще не успела, как следом иная
на остывшем песке извивается, не изнывая,
а призывно и радостно.

Легкий шелест... Вскипанье... Пошло кружевное кипенье... —
и назад по песку змей узорных живое шипенье.

Незаметная пауза.

Снова вздох, и вокруг разрастается, ширится шорох,
словно шторы сдвигают, а шорох запутался в шторах —
вот где скрытая сауса *:

звуковая поверхность извилиста, шероховата,
как крупитчат песок, и шершава, как пряжа заката —
загрубевшего гаруса.

Так усохшие листья под ветром шуршат, опадая,
и летят в темноту, среди прочих себя обретая
в рощах рыхлого хаоса.

О, мелодия моря — о, шелест, вскипанье, шипенье,
шёпот, шорох, накат — как души неумолчное пенье,
то смиренно, то яростно.

Из пучины одна за одной всходят волны, созвучны,
как рифмы,

и ведет их приборой на седые плакучие ивы
от рыбачьего паруса.

* Причина (лат.)

* * *

Облака, точно ключья — зажженная, дымная пакля.
 Вот и солнце, колеблясь, — кренись, исполинская капля! —
 погружается в воды.
 Запад — арки из меди, белесые отблески цинка.
 Громоздится закат многоярусней римского цирка
 и сочится, как соты.
 Он когда-то роился воинственным, доблестным гулом.
 Здесь стоял гладиатор. Кровь липко стекала по скулам.
 Жизнь дешевле свободы.
 Стала жидкой арена; песок разошелся в пучине,
 а прожилки на мраморе — воспоминанье о тине.
 Покачнулись своды.
 И по мере того, как вонзал ратоборец под сердце
 меч короткий, как жизнь, наконечник пурпурнее перца, —
 превращались в разводы,
 размывались волной, разметались по небу крылато,
 обратились в руины воздушные перлы заката —
 воплощенные оды.
 И, сместившись, поплыли обломками узкие арки;
 полукружья распались — волна унесла их останки
 в погребальные гrotы.
 Капля солнца смешалась с холмами морского погоста.
 Рим, творимый досель, растворился невысказанно просто,
 словно облако соды.
 Небо тлело, как тлеет очаг в темноте — без утайки.
 И над морем тогда поднялись озаренные чайки,
 точно ждали погоды.

* * *

В трепетании птиц, — переменчивых, влажных,
роскошных, —
 в их стремительных крыльях, — закинутых, острых,
раскосых, —
 цвета алого шелка;

цвета шелка, покуда закат дотлеваает, как угли,
 а латунная стала напротив луна в карауле
 и, как видно, надолго, —
 в их азартном смятенье какая-то чудится алчность,
 точно манит их этого места влекущая злчность,
 предвкушенье восторга;
 словно здесь предстоит им на славу теперь пожитьяся.
 Кровь на мраморе — чайка — морского заката блудница —
 как взлетевшая шторка!
 Что ты чаешь, в струе восходящей блаженно качаясь
 на распахнутых крыльях, как будто от счастья кончаясь
 на вершине потока,
 как на пику воздетая колющим воздухом бездны,
 и о чем ты кричишь? Этих взвизгов зигзаги скабрены.
 О, зачем ты не смолкла?
 Штормовая пиратка, когда ты из глаз пропадаешь, —
 да! — и к лунному лону молитвенных волн припадаешь,
 точно гибкая смолка,
 а луна, одевая пушистым мерцанием серым,
 с наслажденьем играет твоим удивительным телом
 искушенно и тонко,
 проясняется дальний расчет анонимного рока,
 что насытил прекрасным тлетворную розу порока —
 чайку алого шелка — чайку серого шелка...

* * *

Между алым и лунным летают, меняясь, птицы:
 то погаснут, как пепел; то вспыхнут у самой границы.
 До и после порога
 два иных состоянья. Смирися, гордыня дневная;
 ярость гневная, кань, на прощанье крыла воздевая;
 меркни, зоркое око.
 Между пепельным — лунным и медленно гаснущим — алым;
 между ветхим и юным; обыденным и небывалым
 вьются пленницы рока.
 Моисей называл их нечистыми. Видимо, хищность

их натур поборола врожденную их артистичность
в пониманье пророка.
Он прозрел их алчбу за свободною лентой полета,
за паденьем ко дну на манер корабельного лота.
Крохи жалкого прока
их вскормили. Они б никогда не поверили в чудо.
Им нужны оправденья: «Не тонет, а движется судно, —
хоть оно и морока, —
потому, что ему... оттого, что под ним...» — Но граница
позади, и в разумностях вправо они усомниться.
Слишком ясности много.
Где из алого в лунное входит Идущий в хитоне,
чудо в том, что вокруг, а не в том, что Идущий не тонет,
ибо свыше подмога.
Чудо — в сером сиянии; в чайках, качаемых ветром;
в накипающих волнах; в распущенных — перед рассветом —
холодеющих ивах; в подлунных оливах лиловых;
в заревых облаках — в их покое, покрое, покровах.
Чудо в том, что из рога
изобилия сыплется, не иссякая при этом.
Путь Твой — море, стезя Твоя — воды, и след Твой неведом.
Где ступил — там дорога.
И такое ли чудо по хлябям пройти, как по суху,
по сравнению с тем, что подвластно творящему духу
и не знает итога?!

7

ТОПОНИМИКА

Коротенький, плечистенький
Шагает по Пречистенке.

А росленькая в кожанке
Гуляет на Остоженке.

Конец бесплодным поискам!

Они сошлись в Еропкинском,

И он застрял, как миленький,

Плечами в ножках длинненькой.

ОГОВОРКА

Рвем небо мы в клочья!

Д. О. Розозин

Планета лучше, чем Земля,
Открыта в шаговой доступности!
Дорога к ней проста до тупости.
Хлепать не надо киселя,
Выписывая кренделя,
И с навигаторами путаться.

Тот шар куда Земли теплей!
Поднимешь руки — вот и в домике.
Повсюду — Грузия, субтропики.
Воды без счёта, типа — лей.

Из горных кряжей бьёт елей.
На каждом перекрёстке — комики.

Морской колышет ветерок
Пустые гамаки на пристани...
Там небо цело — видно издали.
Там невдомек урвать свой клок,
Как здесь, где попускает Бог
Рвать в клочья все, что рвется, исстари.

Туда подался б и с Толед
Хоть кто, отбив поклоны о землю,
Тем более безбожник по зиму,
В хламиду лёгкую одет.
Лететь туда всего сто лет.
Но, правда, свету. Не Рогозину.

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Кончался пост — на что Великий! — пост
Для всех, кто жил, как праведник, страдая.
Змий сорок дней подстерегал свой хвост
И заглотил, жестоко голодая.
Уже священник бледный, как Луна,
На солее от немощи качался.
Бадья достигла высохшего дна
И стукнулась. Великий пост кончался.

Как прежде, наполняться стал стакан
Колодезя, испытанный веками.
Пора крутить обратно барабан
И ржавый трос наматывать витками.
Бадью страстей — помятую бадью
Вытаскивать, прокручивая валик,
И дотянуть, готовую к питью,
И докрутить, пока не расплескали.

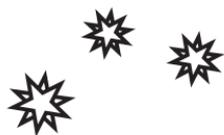
Бог дал, чтоб в срубе гулком и глухом,
Перетерпевшем подвиг воздержанья,
Подёрнутом, как бархат, влажным мхом,
Послышались покашливанье, ржанье,
Похрюкиванье, смех — и вырос бес,
Подъятый в туче всей придонной взвеси,
Пока с Небес лилось: «Христос воскрес!» —
А Божий мир отвечивал: «Воскресе!»

НА ЧИСТЕНЬКИХ. МАРТ

- 1 Бульвар. Мороз.
Пальцы липнут к медным струнам.
Флейта кусает за губу.
- 2 Снег впитывает
Текучий свет французских фонарей.
Второе марта. Поклонники чествуют Горбачева.
- 3 Конь взбрыкнул.
Овес вздорожал.
Ездок взбеленился.
- 4 Сигналят «скорые».
По числу «синих мигалок» у поликлиники
Сужу о динамике «короны».
- 5 Весенняя капель с потолка стучит в пустое ведро
на лавке,
Булькает в полном, падает за шиворот.
Потекли московские крыши...
- 6 Трамвай — золотая гусеница.
Трамвай — серебряная гусеница.
Золото — жар. Серебро — прохлада.

- 7 Гитары уличных музыкантов.
Сердце старой Москвы.
Родина звука.
- 8 *Я люблю этот город вязевый...*
От Пречистенки до Чистеньких —
Вот она, моя Москва.
- 9 Ого,
Грибоедов кивнул нам тупеем.
По граням пьедестала — грибы Малого театра.
- 10 Чацкий заслушался.
Все привстали.
Лохмотьев Алексей чудесно говорит!
- 11 Пьес нет.
Суфлер уволен. Суфле засохло.
Артист Машков работает над Конституцией.
- 12 Можете не сомневаться:
МИД России всегда найдет симметричный ответ
любому,
Кто опротестует наш вызов.
- 13 Грех чужой — истинный грех,
А свой грех —
Чашечка в цветочек.
- 14 Двое 65+ навстречу друг другу волокут
прохудившиеся тачки.
Голуби шикуют на желтом пшене.
Весна пахнет водорослями.

- 15 Атаc!
Валяются с крыш снежные плюхи...
Оборонись, Сергей Семёныч!
- 16 А в те поры жили на Руси три богатыря:
Геркулес Белковский — 11,9 г.
Геркулес Жириновский — 5,8 г. Геркулес
Углеводов — 65,4 г.
И хранили их в сухом, прохладном месте.
- 17 Оля, предсказано по радио: «Бавария» —
«Барселона»: 0:0.
А по факту: «Бавария» — «Барселона»: 5:0.
ОЛЬ?!
- 18 Прощеное воскресенье.
Антон простил. Антонину простил.
С Евдокией поругался.
- 19 Борода у бордюра окучивает гитару.
Танцует на цыпочках бесприютный камуфляж
с чужого плеча.
Перемен требуют наши сердца!
- 20 А «Современник» рад
В объятьях ночи томной
Сверкать, как рафинад, над гладью мелководной.
- 21 Огни перетекают.
Пруды оплыли.
На Чистых — одинокая флейта...

Венеция-Север
Венеция-Юг

ПАВЕЛ I. ПРИЗРАК

Как будто в летний вечер или нет,
Скорей не ввечеру, а ближе к ночи,
Но, впрочем, летом и не разберешь,
С Куракиным мы вышли на прогулку.
Сопутствовали нам лишь двое слуг,
Какой-то вздорный слух перевирая.
Я обернулся резко, и они
Немедленно умолкли, пристыдившись.

Князь был всегда приятен мне своей
Воспитанностью, тактом, благородством.
Казалось, в темной комнате блистал
Положенный на черный рыхлый бархат,
Невероятной силы бриллиант,
Но не слепящий — сдержанно лучистый.
Мы вместе и учились, и росли.

Я был такой же щепетильно-честный,
Как он, и доверял ему во всем.
Он обладал врожденным вкусом денди
Откуда-нибудь с Риджен, с Оксфорд-стрит.
Как свой наряд он сочетал со шпагой,
А перстень с табакеркой! Как любил
Алмазами унизанные пряжки!
Подобно даме, изучал с утра
Образчики парчи, шелков и кружев.
Пусть эта тяга к роскоши грешна —
Изнеживает дух, балует тело,
Он все равно мне оставался мил.

Мы шли пустынной улицей, похожей
На Малую Морскую, но не ей.
По правой стороне. А слуги сзади.
Была луна, и белой ночи свет —
Серебряный, холодный, петербургский —
Фонарщиков на время упразднил,
Им повелев своих не трогать лестниц.
Я пожалел, что взять не угадал
Какое-нибудь чтение с собою,
Хотя бы Книгу Иова, ее
Я мог бы без свечей читать свободно.
«За что, Господь, Ты борешься со мной?
Не обвиняй меня в моих несчастьях,
Не презирай, но только объясни».

Мы вышли на Сенатскую. Простора
Прибавилось, и свежести речной
Прохладный ветер наших щек коснулся.
Но, право б, я настаивать не стал,
Что площадь называется Сенатской.
Возможно, это я решил потом.

Вдруг незнакомец подступил к нам сбоку,
И грузные шаги его в ушах
Звучали так, как будто бы хрустели,
Металлом наступая на гранит,
По камешкам, тяжелые ботфорты.
Я вздрогнул и движение прервал,
Остановившись в непонятном страхе.
Но моментально стихли и шаги
Того, кто к нам приблизился внезапно.
Я снова зашагал, и в тот же миг
Со мною в ногу снова захрустела
Толченой крошки сдавленная дробь,
Тогда как я своих шагов не слышал.
И я спросил Куракина, с трудом

Оковы немоты превозмогая:

— Скажи, ты ничего не слышишь, князь?

— Нет, ничего. А что я должен, Ваше
Величество, услышать?

— Звук шагов.

— Моих и Ваших?

— Нет! Других. И как бы

Позвякиванье двух чуть слышных шпор.

— Признаться, нет. Я ничего не слышу.

Но длился и по набережной звук,

За нами следовавший от Сенатской.

Он непрерывно нас сопровождал,

Теперь — меж мною и стеною замка,

Глухой стеною, мрачной, без окон.

Шел чуть левее от меня Куракин,

А справа — незнакомец вдоль стены

Со мной впритирку. Был он много выше.

Ему не доставали до плеча

Углы моей гвардейской «треуголки».

Его скрывал широкий черный плащ,

И я совсем лица его не видел.

Тогда я вновь Куракина позвал:

— Князь, а сейчас ты видишь человека,

Идущего в плаще между стеной

И мною?

— Как же, посудите сами,

Его могу я видеть, если Вы

Идете, со стеной соприкасаясь?

Тут даже не поместится и тень.

— Но человек же — вот он!

Знобкой дрожи

Я испытал пугающий прилив,

Лишь некто, Тот, меня окликнул:

— Павел!

— Что тебе нужно? Кто ты? Кто такой?
— Я тот, кто принимать в тебе участие
Готов. Живи как должно. Но имей
В виду, что в мире этом ты недолго
Пробыть сумеешь — нежеланный гость.
Не торопись привязываться к миру
И совести укоров не спеши
Презреть в себе как слабость. Бедный Павел!..
Постичь такие муки, как твои,
Бог назначает лишь душе великой.
С тобой мы скоро встретимся. Прощай!

Закончилась стена глухая справа,
А незнакомец, прежде чем свернуть
За крепостную кладку угловую,
Откинул от лица покров плаща,
И я увидел, помертвев от страха,
Орлиный профиль прадеда Петра,
Тотчас же поглощенный пеленою.
И хруст ботфорт по гравию тогда,
Как и возник, внезапно прекратился.
Я шага сделать более не мог,
Утишить на руках мурашки дрожи.

А князь, прошедший рядом весь наш путь,
Не слышавший шагов потусторонних
И гласа, адресованного мне;
Не видевший ни призрака, ни тени,
Стоял, вращая круглый бриллиант,
Мерцавший сеткой насеченных граней;
Улавливал на перстень лунный блеск —
Увертливый, соскальзывавший мимо,
Забавный... А поймал — и засмеялся.

ЛЬВИЦА*

О, Венеция, ты — Львица
 И Владычица морская!
 Хорошо ль тебе ворчится,
 Сарацин в морях пугая?
 И о чем, грозный и горды,
 Помышляют мглой безлунной
 Тишину твоей лагуны
 Защищающие форты?
 Лапы долги, когти тверды.
 Ты звериным жаром зева
 Пышешь вправо, пышешь влево.

А когда мешок каратов
 Растрясет в мирах Всевышний,
 Ты уймешь славян-пиратов,
 Ты норманнам гнев свой вышлешь.
 Твой воитель дож Дондоло
 Покорит Константинополь,
 Обратив его в некрополь.
 Месяц узкий, как гондола,
 Ряд руин осветит голо.
 Проклянут тебя витии
 Разоренной Византии.

Падуя падет. Верона
 Преклонится. А Равенна
 Возмутится удивленно
 И смирится откровенно.
 Генуя в борьбе упорной
 Ослабеет. А за нею
 Станет Истрия твоею
 И Далмация — покорной.
 Сорван стяг корсаров черный.

* Из исторической хроники «Фальери»

Запад с лакомым Востоком
Пред твоим простерлись оком.

Тяжелеют трюмы торга:
Перец, золото, корица.
И хмелеет от восторга
Торжествующая Львица.
Под пальбу, веселье, клики
В роскоши себя купает,
Грабит, тешится, скупает.
Все ее повадки дики.
И уже конвоев пики
Нет нужды щетинить каждый
Раз, хранясь от силы вражьей.

Где она? Ни дара слова
У врага, ни бранной мощи.
Даже форты ставить снова
Нет нужды. Все стало проще.
При таком могучем флоте,
Как твои эскадры, Львица,
Никому не покуситься
Навредить твоей охоте,
Помешать твоей свободе
Торг держать, являть коварства
И копить свои богатства.

Кладовые персий, индий
Отмыкаются без жалоб.
Серебро лежит, как иней,
На широких досках палуб.
Королю-единоверцу,
Дабы был в своей тарелке,
Дай гвоздики гвоздик мелкий,
Кучку молотого перцу,
И заплатит он по сердцу,
Не перечя, что назначат.
Деньги ничего не значат.

Парусам в лагуне тесно.
 На причалах горы снеди.
 Жизнь подходит, словно тесто.
 Солнце — круглый щит из меди.
 Настает пора расцвета.
 Разум тянется к искусству.
 Красота внимает чувству
 Живописца и поэта.
 На четыре части света
 Станет славен город-гений
 Чудом зыблемых ступеней,

То всплывающих, то снова
 Утопающих в приливе.
 Вечер тмит волну лилово,
 Днем она — близнец оливе,
 Омывающей подола,
 И подобием качалок
 Зыбь колеблет клювы чаек,
 Точно носики гондолы.
 Узкоглазы, как монголы,
 Мраморные львы у Львицы
 Важно трогают страницы.

Слово Марка, имя Марка...
 Льется свет Христов по сходням.
 Даже если жизнь — помарка
 На полях в письме Господнем,
 Искуплением страданий
 Для земной души сгоревшей
 Служит этот город грешный
 Чистотою очертаний
 И обильем прорастаний
 Красоты не иллюзорной —
 Верной, тварной, рукотворной...

МОНТЕНЬ

Эта книжечка с ладонь,
Переплет зеленой замши.
Пощадил ее огонь,
Фолианты жадно жравший.

Не извел ее браток
На тугие самокрутки,
А ведь мог, спокойно мог.
Был Монтень, теперь окурки.

Не вмесил ее в навоз
Эскадрона шаг и прочих
Резанул сквозной невроз
Пулеметных мелких строчек.

Почему в голодный год
Рыжей крысой Петрограда
Не обглодан зрелый плод,
Что взрастил Монтень когда-то?

Пусть повыцвела хотя б
Синь чернильная, так на ведь:
*«Год 17-й. Октябрь.
Половинкину. На память».*

Может быть, жила чета.
Некто в кацавейке куцей
Эти максимы читал
Посредине революций,

Ворошил странички дней
Под артрозный хруст суставов,
С Половинкиной своей
Нечто целое составил.

И от слова «листопад»
Начинал осенний вечер,
Когда темен мокрый сад,
Почерневший лист не вечен,

Закружится, только тронь —
И к огню садился, взявши
Тот подарок на ладонь:
Переплет из нежной замши.

И читали старики...
Долго ль длилось это бденье?
Ветер сырость гнал с реки
И шеренг матросских пенье.

ГОНДОЛЬЕР

Лакированный лоск чернокожей гондолы.
Красных кресел качнувшийся строй...
Все «коньки» по бортам к отправленью готовы.
Время сумерек. Скоро шестой.

В полосатой футболке, наверное, маркой,
В шляпе с лентой, к воде под углом
Ты с покатою кормы, наклоняясь под аркой,
Длинноруким вращаешь веслом.

Среди пегих ущелий кирпичного сада,
Тусклых окон, похожих на клей,
Ты скользишь, и вода шевелится усато
Прямо под носом лодки твоей.

Живописных дремот византийская сирость
Столько зим эти стены пасла!
Да еще тишины застоявшейся сырость.
Да трава, что свисала с весла.

Невозможно тут клавиш бренчанье от скуки,
Барабан — вышибаемый клин.
Здесь уместны едва различимые звуки
Уплывающих вдаль мандолин.

Я не брошу в канал корабельного лота.
Здесь иная живет глубина.
Отошедших столетий дрожащая нота
В лабиринты руин вплетена.

Гондольер не спешит, потому что недвижны
Здесь эпохи — не то что вода.
Украшенье фронтонов — парадные ниши
Никогда не заглянут сюда.

Остров — в книге морей одинокое слово,
А над ним дни и ночи туман.
Осмотрительность, может быть, прежде другого
Есть в характере островитян.

Аккуратно проплыть мимо каменной кладки
Под моста изогнувшийся свод.
Наши помыслы долги, а плаванья кратки.
Не длинней полосы этих вод.

И когда в поворот, что назначен судьбою,
Впишет нас водяная тропа,
Ты исполнишь, от стен оттолкнувшись стопою,
Островной осторожности па.

НА ПУТЯХ

1

Вокзал, как базар. — Пирога, пирога!
— Вот, судари, сыр! Со слезою... швейцарский.
— Простите, состав «Петербург — Петроград»
С какого пути?
— Это, стало быть, царский?
С какого, не знаю. Но знаю одно:
Состав задержали на станции Дно.

2

— Любезный, простите опять. Виноват,
Но кровь леденят сообщения из Бреста.
Мой поезд, мой крест «Петроград — Ленинград»
Во сколько отчалит от старого места?
— Да сразу, как только, извольте взглянуть,
Дочинят рабочие взорванный путь.

3

— Носильщик, на помощь! Я не пятирук,
Чтоб здесь барахлу распинаться в угоду.
Мой скорый — подлец «Ленинград — Петербург».
Хватайте баулы, тащите к вагону.
— Туда, где торчат «калашей» хоботки,
Соваться чужим не велели братки.

4

Век — новый.
Экспресс, как кристалл изо льда.
Куда он и где его пункт назначенья?
Наш поезд идет неизвестно куда,
Но это уже не имеет значенья,
Хотя бы отправили в путь без преград
Сквозной: «Петербург — Ленинград — Петроград».

ВЕНЕЦИЯ

Я знаю, в этом городе должны
Жить только те единственные тени,
Чьи дни при жизни были сочтены,
Как в воду уходящие ступени,
Где серая когорта январей,
Лагуны ветром от моря гонимых,
Проходит, как цепочка фонарей,
По низким берегам неисцелимых.

Что делать мне под хмурою стеной
С моей веселой памятью о солнце?
Одиннадцать столетий за спиной
Блестят, как крошки золота на донце.
Ночной прилив поднимет до плеча
Морских огней мерцающие бусы,
А в полдень ниспадает, как парча,
Стоячий плеск воды зеленорусой.

О, праздник света, пестрый карнавал,
Смешенье красок, шум, столпотворенье!
Большой канал похож на интеграл,
Изображенный в третий день творенья,
Изборожденный стрелами гондол,
В которых мавр везет гостей из Гавра,
А догаресса, приподняв подол,
Уже ступает на борт «Буцентавра»*.

Завалены товарами мосты,
Запружены игрушечные пьядца**,
И чайками разубраны кресты
Под звон колоколов и смех паяца.

* Корабль дожа (итал.)

** Площади (итал.)

Венеция — подобье райских куш,
Они и вечны и неугомонны,
Так почему охватывает плющ
Укутанные бархатом колонны?

Зияют окна черные кругом.
С кем город-призрак борется в тумане?
Кто и когда с кормы косым веслом
Захлопнет ставни на дворце Гримани?
Еще не вся искуплена вина,
Еще не все оплаканы потери.
Зачем же бирюзовая волна
Стеклянные оплескивает двери?

Смелее, Адриатика, входи
В свой ветхий дом, в забытые покои
И хороводы зыбкие воды,
Покачивая белые левкой.
Теперь я не забуду твой напев,
Над площадью гнедых коней квадригу
До той поры, пока крылатый лев
Не дочитает мраморную книгу.

САН-МИКЕЛЕ

Памяти Иосифа Бродского

В идеальном порядке,
где бы я ни ходил,
аккуратные грядки
легендарных могил.
Адмиралы-счастливицы,
я покой ваш храню.
Хорошо ли вам спится
в вашем отчете краю?

Кредиторы, пройдохи,
дамы сердца, певцы.
Богатейшей эпохи
золотые творцы.
В гуще прошлого века,
в ленинградские дни
было сказано веско
среди людской толкотни:

*Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать.*

К вам, купцы и банкиры,
как попал буквоед,
перл космической лиры,
своенравный поэт?
Да еще из России...
Что, — ответьте на раз, —
Морозини, Россини,
потерял он у вас?

В кипе тысяч его строф
 есть на этой печать:
На Васильевский остров
Я приду умирать.

Это было б красивым
 завершеньем судьбы:
 к волнам Балтики, к ивам,
 на родные гробы.
 Снисхожденье — заблудшим.
 Всепрощенье — врагам.
 Уважение — лучшим.
 Всем сестра́м по серьгам.

Где Венеция-Север?
 Где Венеция-Юг?
 Как заклинило реверс
 наших встреч и разлук!
 Есть балтийские воды,
 черно-белый покров.
 Есть дыханье свободы —
 Адриатики зов.

Между ними не версты —
 между ними века.
 Тот, чьи очи отверсты,
 знает наверняка
 и меняет свой выбор:
 и погост и страну —
 на Венецию-рыбу,
 на волну зелену.

Здесь, в последней постели
 под опавшей листвою,
 островок Сан-Микеле,
 чужестранца укрой.

Не отринь пилигрима.
Что́ он смял голенищ —
мимо Родины, мимо
дорогих пепелищ!

Не ищи лжепророка
в том, чье сердце, плеча,
износилось до срока
у Отчизны в клещах.
Не венками обвитый —
под пинками суда
с не прощенной обидой
он ушел навсегда.

Говорящих фамилий
преумноженный сонм —
бродит тень его или
погружается в сон
в первом — дантова ада —
самом легком кругу,
где как будто не надо
быть у Неба в долгу.

Голос там на полтона
ниже, чем на земле.
Как в саду у Платона,
там туманы к зиме.
Этих сумерек дымка
недоступна живым.
Имярек-невидимка,
мир смятеньям твоим.

ПЕТЕРБУРГ В ДЕКАБРЕ

Как утомителен Питер зимой, в декабре!
 Грузное небо. Понурая тьма на дворе.
 Слякоть и непогодь. Хмурая, злая пора.
 В спину проспектам промозглые дуют ветра.
 Чин в иномарке промчал, отдавая толпу.
 Голубь — упорный вертун добирает крупу.
 Рваные сети полощутся вдоль этажей.
 Всюду — ремонт, отмывающий грязь грабежей.

Хочется солнца, но солнца как раз и ни-ни.
 Как утомителен Питер в декабрьские дни!
 Хочется света, но света как раз и в обрез.
 В сумраке зимнем по свету обмер и обвес.
 Тихие храмы молитвенных полны дремот,
 Только и там — в образах — подвизался ремонт;
 Там, где усенье колхозной капусты отпел
 Туз-фарисей, оплатив золотой новодел.

Как утомителен Питер осенней зимой!
 Нервные «пробки» надсадно гудят на Сенной.
 Невский стоит. Ну и что? Не велик господин.
 Стынет Фонтанка — положенный набок графин.
 Между дворцами, чьи грани прекрасно легки,
 Брани плебейской на ворота виснут плевки.
 Город царей, раздавил тебя твой небосвод —
 Вот и тоска твою грешную душу сосет.

Сыплет метелица, бисерной крупкой соря...
 Как утомителен Питер среди декабря!
 Впору бы скорби предаться за все и за всех,
 Глядя на павший, размешенный шинами снег,
 Если б не верить, что глупое сердце тревог
 Благословит в нас и этот декабрьский денек,
 Ибо тоска ли, печаль — как их ни назови —
 Вечные тени, бессменные сестры любви.

ПЬЯЦЕТТА*

Саре Скопин

Что может быть уютней, чем пьядетта?
На площадь опушу, как из ларца,
Придерживая кончиком пинцета,
Собор и три игрушечных дворца.
Зажгутся в окнах алые бумажки.
К дверям придет, сверкая сбруей, конь,
И маска вырвет поцелуй у маски,
Прижав перчаткой белую ладонь.

Февральский вечер плоским звоном лютни
Тебя окликнет коротко: «Постой!..»
Вновь невидимки затевают плутни
На полутемной площади пустой.
А в глубине погасшего собора,
Где лишь ночник рубиновый горит,
На шалости их смотрит без укора
Тот, Кто в конце времен заговорит.

Ну, а пока, узорную манжету
Из бархатного выпростав плаща,
Возьми, как первообраз розы, эту
Жизнь, что обвита завитком плюща.
И прикоснувшись теплыми губами
К изогнутым, как чаша, лепесткам,
Тому, Кто неотлучно вместе с нами,
Воздай хвалу, как я ее воздам.

* Маленькая площадь (*итал.*)

* * *

Дом Довлатова на Рубинштейна
По фасаду роскошен, как трон.
Кто там корочки варит глинтвейна
За броней затененных окон?
С шоколадной сигарой из дома
Вышла дама в хламиде до пят
Под охраной пятнистого дога
Обновить длиннополый наряд.

Но лишь в черный закатишься дворик —
Петербургский окончен парад:
Из бывшего, и гулок и горек,
В битых стеклах встает Ленинград.
Он кипит пузырями карбида,
Он шипит: «Нуворишам — хана!»
И горит, словно уголь, обида
В разоренном проёме окна.

NEBBIA*

Постепенно меркнут краски
Неба, засыпают воды,
И не подлежат огласке
Грезы дремлющей природы.
Голубям отменно сизым
В выбитом окне чердачном
Беспокойно, как в табачном
Дыме. Видно, за карнизом
Вьется тот, кто крался низом:
Nebbia — туман неверный,
Мореходов спутник скверный.

Наплывает он от моря,
Как гусей несметных стая.
Потекла, с волнами вздора,
Пелена его густая.
Остывает жар жаровен,
Шелухой хрустят каштаны.
Ночь-портниха на кафтаны
Режет бархат. Час не ровен.
И, как стражник, хладнокровен,
Петр гремит ключами рая,
Божьи церкви запирая.

Над каналом, где, копуши,
Полоскались замарашки,
Лет семьсот как сырость сушит
Рукава ночной рубашки.
Там ли, между островами,
Где провисли струны вервий,
Ветерок шныряет нервный,
Как морской колдун, кругами

* Туман (*итал.*) Из исторической хроники «Фальери».

И мотает рукавами?
 Тишь такая, хоть оглохни.
 Сырость, сгинь, а стирка, сохни.

Глянул месяц из-за края
 Туч (добрó, они ленивы),
 С Адриатикой играя
 То в отливы, то в приливы.
 Настает черед подьему
 Вод, в туманы облаченных
 И приливом облеченных
 Подступать к любому дому,
 К двери и окну любому,
 Затопляя сушь асфальта.
 Aqua alta, aqua alta*.

И собор Святого Марка,
 И Дворец усопших дождей
 Отблеснут — за аркой арка —
 В темных водах волей Божьей.
 Где ступали чинно чайки,
 Точно по дощечкам пола,
 Закачается гондола
 Над просторами брусчатки,
 Чтоб сырые отпечатки
 Сапоги вечерних топей
 Развезли по всей Европе.

Может быть, к мосткам Пьяцетты,
 Где туман клубится низкий,
 Как Харон из мутной Леты,
 Подплывет толмач персидский,
 И горацевы строки —
 Стих, рожденный на латыни

* Высокая вода (*итал.*)

И не читанный доньне
На медлительном Востоке
(Там и сто веков не сроки),
Он почтит перед уходом
Достославным переводом...

А туман висит, как вата.
Не надейся, что растает.
Сквозь него идешь куда-то,
А тропа не зарастает
Позади — так он раздвинут.
Он, как дым, белёс и плотен,
Наплывая много сотен
Лет на город. Снова минут
Времена, но, нет, не вынут,
Не развеют за собою
Стлавшегося пеленою.

Nebbia — туман полночный,
Погребая все напасти,
Замыкает круг порочный
Гнева, ревности и страсти.
Он — гоним от моря ветром —
Заполняет арки, ниши,
Поднимается на крыши,
Опускается с рассветом,
Словно Кто-то машет фетром
И плащом широкополым
Дремлющим в чехлах гондолам.

Кто Он? Где Его обитель?
Что Он на сердце лелеет —
Наш неведомый ревнитель,
Тот, что мучит и жалеет
Нас во тьме зелено-лунной,
Нас, пришедших в мир случайно,

Чей уход — иная тайна?
Движим волею разумной,
Он проносится, бесшумный,
Запахнувшись пеленою,
Над высокою водою.

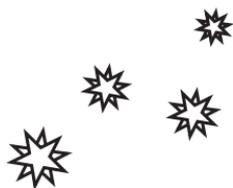
Но напрасно отраженье
Ловим мы на глади водной.
Столь стремительно движенье
Этой Сущности свободной,
Столь плотны Её покровы,
Вольно вьющиеся следом,
Что я имени Ей не дам.
Кто Её услышит зовы?
Слишком глухи мы, суровы,
И не всем нам в равной мере
В Сад и в Ад открыты двери.

ЗИМНЯЯ КАНАВКА

Одень себя серебряным дождем,
Фольгою с ёлки волосы опутай.
Весь год мы провели с тобой вдвоем,
Он был одной короткою минутой.
Пока куранты медленные бьют,
Представь канавку Зимнюю под аркой,
Как хлопал пробкой пенящийся брют,
Пугая мотылька над свечкой жаркой.

Где мы, зима свободна ото льда,
И все на свете радостью согрето,
Светла живая, теплая вода,
А льды гуляют в отдаленье где-то.
Где мы, там шпили тонкие остры,
Там город тих, нам не слышна его речь,
И, глядя на осенние костры,
Мы забываем про земную горечь.

Пусть же дождь стекает серебром
Тебе на руки, волосы и плечи,
А мы сумеем помянуть добром
Счастлирое смятенье каждой встречи.
Поскрипыванье ряженных карет
И цоканье подков по Миллионной
Откликнутся и не сойдут на нет
В душе твоей, по-детски изумленной.

Портреты

АСМОДЕЙ

Божественное — сокровенно,
Оно не соблазняет глаз,
Лишь искуситель откровенно
Все выставляет напоказ.

Его иначе не представишь,
Как непременно во главе
Побоищ, форумов, ристалищ,
Цветущих лежбищ на траве.

Небрежен и курчав, как росчерк,
Нацелен только на успех,
Он пыль в глаза пускает в рощах
Наперсницам земных утех.

И, по глоточку сладость пьющий,
Плющом обвитый медовар,
Он хоботок соломки плющит,
Блаженный вытянув нектар.

Он появляется случайно
И пропадает невзначай.
Как виноградарю, у чана
Ему свиданье назначай.

Но знай, что скользок, точно рыжик,
Тот сочинитель черных книг,
Изобретательный барышник,
Промашек грешный проводник,

Птиц райских обожатель... Спет ли
Мой дифирамб до той строки,
Где не на спицах вяжут петли,
А пальцами плетут силки?

Он любит торговать железом,
Ему не занимать словес,
Копыто у него с разрезом,
И вправлен изумруд в разрез.

Он фертотом пляшет на канате,
Прихрамывает, если врет,
И, разглагольствуя в Сенате,
Он рог под шевелюрой трет.

Его задача быть рысистым,
Опередить, урвать, успеть
И на прощанье хвост со свистом
Закинуть за плечи, как плеть.

ШЕКСПИР. ВЕРСИЯ ПОРТРЕТА И ДВА МОТИВА

* * *

У него удивительно вытянут рот.
 Воротник и торчащие уши.
 Если завтра богат, послезавтра — банкрот,
 А пока что покат и тщедушен.
 В королевском саду, пробиваясь меж крон,
 Солнце гладит кору, словно пемзу,
 И чернильные пальцы измученный он
 Опускает в холодную Темзу.
 Чуть до бархатных дыр ни просвистан камзол.
 Словно опус, сгорел его «Глобус».
 Он жует над водою — ни добр и ни зол —
 Лист капустный, бессмысленно горбясь.
 Рядом с ним ваша жизнь с чередою тревог
 Пиром вам не покажется чудным?
 Упраздняется славы посмертной венки
 У мирволящих лирам нетрудным,
 У щадящих и время свое, и персты,
 У шалящих — оно не зазорно...
 И, хрустя, по утрам стирают песты
 В медных ступах кофейные зерна.

* * *

Чтобы людского избежать суда,
 Не вспоминай о давнем и о дальнем.
 Я сам прошу: забудь меня, когда
 Мой путь овеет дымом поминальным.

Я не имел заслуг и ничего
 Достойного того, чтоб быть любимым,
 А потому забудь меня, того,
 Чей путь овеет поминальным дымом.

И славить не спеши меня, зачем
Спасаться добродетельным обманом?
Будь верной до конца — забудь совсем.
А если окружу тебя туманом,
Не оставайся у него в плену.
Пройди его, пройди. Как пелену.

* * *

Хвостун в фаворе у светлейших звезд,
Стремится с ними к тесному родству,
Но наступает день, не горд, а прост,
И хвост, как тень, отдавлен хвастовству.

Принц милостив, он трогает камыш.
Голубицы вокруг него парят.
Но вечер жжет солому птичьих крыш.
Садится солнце — камыши горят!

Боец, познавший, судя по всему,
Сласть ста викторий, поднятый на щит,
Одну упустит — и конец ему.
Он сброшен со щита. Он позабыт.

А мне, счастливцу, проще: я любим
И навсегда душой твоей храним.

ГАБРИЭЛИ

У счастливца Габриэли
На душе сегодня праздник.
Очень весело и бурно
Он в бутылъ вино долил,
Отхлебнул и в самом деле
До утра решил отставить,
Но как следует подумал
И решенье изменил.

И совсем прекрасно стало
На душе у Габриэли,
И маэстро, солнцу низко
Поклонившись, вышел на
Плиты, залитые ало,
Где пахучие горели
На закате флорентийском
Капли доброго вина.

И, минуя двор Сената,
Улыбнулся Габриэли,
Улыбнулся виновато
И счастливо. Может быть!
Пусть менялись меценаты,
Отменялись юбилеи,
Но к закату есть соната,
И ее не отменить.

И по улочке столь тихой,
Столь тенистой и уютной
Шел притихший Габриэли,
Что — как чудо из чудес —
За оконной паутиной
Освещенный профиль юный

Улыбнулся на мгновенье
И нечаянно исчез.

И цветными, что бесценно,
Леденцами, как подарок,
На счастливица Габриэли
С неба высыпался дождь,
И струею семицветной
Било солнце из-под арок,
И, качаясь, плиты пели:
— Габриэли, Габриэли!

КАБАЛЬЕРО

Как будто с гишпанского

Неуклюжие сутульцы, толстойкрые идальго
 И обжоры-жабоносцы — кособрюхие красавцы,
 Кривоногие, как раки, шаркуны Эскуриала,
 Чьи разболтанные длани провисают до колен!
 Все, что можно, отнимите у меня: перо и шпагу,
 Имя, слуг, поместье, славу; откажите в променаде;
 Заслоните путь к Мадриту. «Никаких аудиенций
 У епископа Севильи!» На гитаре шестиструнной
 Оборвите бас гудящий, распилите кастаньеты,
 Шляпу в пыли изваляйте, и коня меня лишите,
 И любовь мою разбейте, а меня, сковав цепями,
 Заточите в замке горном, в монастырском каземате
 И отца иезуита не пускайте исповедать
 Мою душу перед Богом! Как хотите. В вашей власти
 Растащить меня на строчки, заучить по эпиграммам,
 Выдать за свое, а после при Дворе снискать улыбки
 Юных донн из пышной свиты мецената-венценосца.
 Но одно вам не по силам. Все старанья будут тщетны.
 Вы не сможете вовеки подражать моим манерам,
 Что исполнены природным благородством. Вам ли, куцым,
 Грациозность кабальеро, поз изысканность и четкость,
 Элегантность поворотов? Вам ли музыка движений,
 Фантастическая гибкость и пластичность олимпийца?
 Или вашим торсам тучным, неподвижно, как торосы,
 Забивающим пространство, спорить с талией творца
 Изумительных поклонов и расшаркиваний сложных,
 Что скорей напоминают церемоннейший балет?
 Или вашим ножкам гнутым, кривизне кавалерийской,
 Грубым щиколоткам — желтым, как бильярдные шары,
 Захотелось потягаться с выточенностью лодыжек
 И с упругостью высоких голеней?.. Да ведь у вас,
 Задрожав, коленки гнутся, коли муха, отдыхая,
 Принадавливает складку мятой шляпы. А подошвы,

Если босы, то, пожалуй, нечувствительны и к углям.
Вам ли с вашей походкой, с приволакиваньем вялым
За собой носка тупого и с хождением на пятах,
С заплетаньем вензелями ног вослед глотку мадеры, —
Говорю в последний раз: достославнейшие доны
Педры, Паблы и Диеги, Мануэли, Аугусты,
Рафаэли, Федерики; вам, Антонио, Рамоны,
И Мигели, и Луисы и тебе, Хуан с Жозепой,
Вашим тягостным костям поравняться ль со стопами
Скорохода и поэта? Сам Гермес их парой крыльев
Одарил, как вольных птиц! Вам такое и не снилось.
Что угодно, но не это. Ваше — все. А это — дудки.
Вы — кругом. Но тут уж — стоп.

ПУШКИН

Рождение поэта

При чем здесь дата записи церковной,
Оставленной елоховским дьячком,
И первого стихка стежок неровный,
Который просто так и ни о чем?

В тринадцать лет свой возраст, холодея,
Он ощутит как горькую вино,
Когда сквозь арку Царского лица
Цвет гвардии пройдет к Бородину.

А что там ждет, никто не даст ответа,
И никому на свете не открыт
Вот этот миг рождения поэта
Под крик трубы и чоканье копыт.

Мой портрет

*С французского**

Портрет вы попросили мой,
Чтоб верен был натуре.
Примите ж, друг мой дорогой,
Его в миниатюре.

Я здесь повеса и школяр,
Фривольный забияка,
Но только не глупец-фигляр,
Жеманник и кривляка.

* Наш перевод стихотворения Пушкина «Mon Portrait», в оригинале написанного по-французски.

Нет, не родился тот крикун,
Тот говорун Сорбонны,
Что был бы более болтун,
Чем ваш слуга покорный.

Я в долговязые не рвусь,
Мне это не по праву.
Зато я свеж, зато я рус,
Зато курчав на славу.

Всегда толпе шумливой рад,
Я не терплю разлуки.
Мне препирательства претят.
Отчасти и науки.

Но балы!.. Вот что я пою.
И если ближе к цели,
Сказал бы, что еще люблю,
Когда б... не был в Лицее.

Предоставляю вам предлог
Узнать меня повсюду.
Каким создал меня мой Бог,
Таким я и пребуду.

В озорничаньях сущий бес,
В ужимках обезьяна.
И ветрен, ветрен — вот, как есть,
Весь Пушкин без изъяна.

АЛЕКСАНДР I. ВЕНА

I

Вначале злоупотребляли
 Большим количеством холодных
 Закусок и горячих блюд.
 К остывшей дичи подавали
 Традиционный *рибизель*
 (Смородина в толченых сухарях).
 Шли «на ура» слоеные салаты,
 Проложенные рыбой и сырами;
 Салаты по-тирольски (овощные);
 Говяжьи (каперс, тыквенное масло).
 Ну, а в придачу кнедлики богемцев.
 За каждым гостем два официанта
 Стояли, к услужению готовы.
 Потом пошли неведомый *зуппе* —
 Протертые супы: супы-пюре.
 И это всё перемежали тосты,
 Что бороздили море пития.
 Как будто подгулявшие фрегаты
 Под пестрым разноцветьем долгих флагов
 И мишурою вымпелов веселых,
 При всем вооруженье парусов,
 Рисую мачты, радостно входили
 То в бухты леденяще жаркой водки,
 А то в проливы рейнского сухого,
 Волной колебля стебли белых лилий,
 Плеща шампанским выше ватерлиний!

II

Английский ростбиф, сваренный в кипящем
 Бульоне, был заправлен *апфелькреном* —
 Приправою, в которой русский хрен,
 Свирепо бьющий в нос и без пощады
 Слезающий изумленные глаза,

Вдруг как-то полегчал и умягчился
 Антоновкой, связавшей Русь с Россией.
 Но козырем в борьбе гастрономий
 Считался, несомненно, венский шницель.
 Он — кружевной, как маленькая скатерть,
 Весь утончен до писчего листа,
 Как солнце, на фарфоре золотился
 И сицилийским spraysнут был лимоном.
 Иной гарнир казался неуместным.
 Все согласились с тем, что до цветной
 Капусты, запеченной в винном тесте,
 Без паузы уже и не добраться.
 Пора, пора устроить общий отдых
 И объявить на время перемирие
 В упорной схватке чар чревоугодья
 С потрепанными силами ума,
 Сложившими на время полномочья.
 Виват единодушию держав,
 Хотя бы на пирах переговоров!
 Дружнее в окружении азалий
 Поддержим солидарность государей!

III

И — музыка наполнила дворец,
 Весь Хофбург — оркестровую шкатулку —
 Объяла властью венценосных вальсов.
 Тур начал император Франц Австрийский.
 Разбитый варваром при Аустерлице,
 Он дважды Бонапартом был унижен:
 На поле боя и в кругу семейном.
 Потомок Габсбургов — древнейшей из династий
 Был вынужден стать тестем корсиканца,
 Всем гулом крови презирая зятя.
 Теперь тот пребывал в плену, в изгнание,
 А в Вене, здесь, его решалась участь.
 За Францем встrepенулись суверены

И главы иностранных государств,
 Когорта храбрых королей германских,
 А там и все участницы процесса,
 Но не переговорного, отнюдь,
 А дегустационно-карнавальной
 Его, прошу прощенья, «ипостаси».
 Конечно, речь зашла о нежных дамах,
 Похожих на душистые букеты,
 О фрейлинах, о женах, о подругах,
 Собою украшающих собрания
 Порой излишне сдержанных мужчин.
 Улыбка тем, кто делит долг и дам
 С грехом, как говорится, пополам.

IV

Одну из них кружил король Вильгельм,
 Другую — отпрыск шведского престола,
 А некто, между прочим, танцевала
 Не с кем иным, как с канцлером австрийским,
 Себя именовавшим сокращенно:
 Князь *Клеменс Венцель Лотар фон Меттерних...*
 А если полно, то потом дефис,
 И сразу за дефисом: *Виннебург*
Цу (что за интригующее *цу?*) *,
 Ну, а в конце совсем демократично:
 Простой, как правда, господин *Бейльштейн*.
 Вот кто затейник Венского конгресса,
 Вот кто собрал колоду королей,
 Валетов, дам, фельдмаршалов и даже
 Трех делегатов пражской синагоги —
 Бородачей в очках и круглых кипах,
 Трех книжников не меньших, чем он сам.
 А сам он слыл искуснейшим из всех

* Предлог фамильный. Здесь он означает,
 Что имярек рожден *под* Виннебургом.

Творцом дипломатических пасьянсов;
 Создателем империи, включавшей
 Пять королевств, маркграфства, восемь герцогств;
 Упорным пауком, наперекор
 Безумцу Бонапарту всю Европу
 Заткавшим паутиною союзов.
 Смотревший вскользь и заходивший косо,
 Он поражал картинной лепкой носа.

V

И все-таки всеобщее вниманье
 Скорее привлекал к себе не канцлер,
 А русский император Александр.
 Он был очаровательно любезен.
 Быстр и горяч. Приветлив и красив.
 Он влился в тот игривый тон, которым
 Прославился флиртующий Конгресс.
 Присутствие жены (императрицы)
 Ему ничуть не связывало рук.
 Попутно романтическое нечто
 Он посылал возлюбленной из Вены
 на Родину... И посылал с ее же
 Законным мужем, как своим курьером.
 «Лукавый византиец», — ровно так
 Назвал Благословенного когда-то
 Читающий сердца Наполеон,
 Предупреждая канцлера: «Имейте
 В виду, что Александр в себя влюбляет
 Всех, с кем судьба его короче сводит.
 И я бы мог в него легко влюбиться,
 Но что-то не позволило... Точнее,
 Меня в нем вечно что-то беспокоит.
 А что? Не знаю. Мудрено понять.
 Какая-то неведомая мнимость
 Таится в нем, меня остерегая,
 И эта мнимость каждый раз другая...»

VI

А между тем пришла пора десертов,
 И не напрасно кухни колдовали!
 Был подан Императорский омлет
 (Пирог с клубникой и лиловой сливой).
 Подали редкий мед альпийских роз,
 А к меду — листья мяты и бруснику.
 Миндальный торт и шоколадный «Захер»,
 Одноименным чудо-поваренком
 Изобретенный по указу князя.
 Китайские чаи, меланж по-венски —
 Арабский кофе с пышным молоком.
 И как апофеоз теплейший штрудель,
 Чьим тестом тоньше невесомой шали
 По всем мадьярским таборам Дуная
 Запахивались гибкие цыганки,
 А сквозь рядно (по мнению поэтов)
 Любовные могли читаться письма,
 Явив свои сердечные секреты.
 Но штрудель стал лишь пред-апофеозом.
 Не он, не он венчал собою пир,
 А тот сюрприз, что приготовил гость —
 Шестидесятилетний господин
 Министр французских иностранных дел
 Князь Талейран-Перигор, Шарль Морис.
 Да смолкнет здесь амурный пафос текста,
 Мелькавший сквозь раскатанное тесто.

VII

Но прежде, чем именовать подарок,
 Попробуем понять: а кто даритель?
 Князь Талейран был специальный гость.
 Он представлял державу пораженья —
 Поверженную Францию. Тем паче
 Он был почетный специальный гость.
 Князь начинал по линии духовной.

Стал молодым епископом в Отёне,
 Служа Короне, Церкви, Королю.
 Но Революция его перевернула,
 Как вертит стрелку компаса магнит.
 Он — член Национальной Ассамблеи,
 Туз в революционном духовенстве
 И отлучен за это Папой Римским.
 Политика — предназначенье князя.
 Он больше не играет в баррикады,
 Бесповоротно выбрав Бонапарта.
 Но служит императору не верно:
 Науськивает, втайне предает
 И снова предлагает в оправданье
 Свои услуги, опыт, хищный ум.
 И власть обвита кольцами удава,
 Который уверяет, что все силы,
 Всего себя отдаст своей стране.
 Так и пирует, двух господ дуря,
 Осведомитель русского царя.

VIII

Пять лет назад князь убедил патрона
 (Парижского) освободить народы
 Испании от гнета короля...
 Наполеон привел туда войска
 И просто влип, бездарно влип в войну —
 В трясины, в партизанское болото.
 А Талейран уже шептал повсюду:
 «Какой недальновидный сделан шаг...»
 Тут Бонапарт не выдержал. Взорвался.
 Войска на время маршалам оставил,
 Примчал в Париж и выволок публично
 За шиворот министра на ковер:
 «Вы — вор и лжец, бесчестный человек!
 Забывший Бога служка, лже-епископ!
 Для вас нет в жизни ничего святого.

Родной отец для вас предмет торговли.
 В ответ на все мои благодеянья
 Вы и меня уже предать готовы.
 Кто подтолкнул меня к войне с Мадридом?
 Упорно побуждал к неправым казням?
 И кто спокойно умывает руки,
 Все вины на меня перелагая?
 Я вас легко разбил бы, как стекло,
 Но рук марать не стану из презренья.
 Вы — паутина на колоколах.
 Вы — грязь. Вы — мерзость в шелковых чулках!»

IX

(«Теперь бранитесь сколько вам угодно.
 Где вы — где я, законный представитель
 Страны, спасенной от авантюриста
 Совместно мужеством союзных армий
 И силами здоровыми внутри»)
 Их олицетворяет Талейран:
 Предавший Бога, сдавший короля,
 Бесстыдно изменивший баррикадам,
 А ныне предающий Бонапарта
 Даритель оглашенного сюрприза.
 Отряд официантов безупречных
 Под «Полонез» торжественно выносит
 И ставит в центр стола на севрском блюде
 Подарок князя — торт «Napoleon»!
 Он испечен из тысячи коржей,
 Скрепленных заварным туманом крема.
 Он с пылу-с жару вынут из печи
 Кондитеров парижских гранд-бригадой,
 Отозванной из лучших ресторанов
 Сюда для услаждения гостей.
 Торт изукрашен картою Европы,
 Готовой к разделенью на куски
 Согласно резолюции Конгресса

«О временном итоге шкурных прений».
В чью пользу совершается дележ?
В ту, чей коварней ум, длиннее нож.

Х

Подумаем про ценность документа
«О временном итоге шкурных прений».
Вердикт вниманья нашего достоин.
Итак, итог. Он не бывает вечным,
«Незыблемым», как говорят эксперты.
Всегда он промежуточен, текуч.
Приходит время, смешивая карты,
Чтоб подвести черты совсем другие.
И бескорыстных прений не бывает,
Когда заходит речь о дележе
Земель и кровью купленных трофеев.
Ученый червь, точащий Книгу знаний,
Способен к бескорыстному служенью:
Он следует за мыслью Провиденья,
В том находя призыванье и отраду.
*«The aim of Science – Благая цель науки
Есть – is to lead – движенье – our mind
Following – (внемлем!) – the Creator’s reason» –
Сознанья нашего за помыслом Творца.*
Такую эпитафию оставил
Своим потомкам Исаак Ньютон.
Тогда по аналогии искусство –
*Движение сверхчувственного вслед
Таинственному духу Провиденья.*
Искусство и наука с двух сторон
Находят вещей смысл и верный тон.

ХІ

Таких приоритетов нет у тех,
Кто посвятил себя завоеваньям
Или защите отчих рубежей,

Морей и недр, гор и кормилиц-пашен;
 Кто умножает силу царств земных,
 Распределяет полномочья власти.
 Не истины, единые для всех,
 Их занимают, не пути Господни,
 А вызовы изменчивых времен.
 Политику питают интересы.
 Отстаивает их успешней тот,
 Кто лицемерней, лживей, вероломней,
 Проворней, изворотливей своих
 Коллег, не столь же ярко даровитых.
 Кто преуспел с возгонкой ложных слухов,
 Кто магией актерских превращений
 На мировых подмостках овладел.
 Кто говорит одно, творит другое,
 А думает четвертое, оставив
 Свободным, не загадывая, третье,
 О чем он сам еще не помышляет,
 О чем и Божий Промысел молчит.
 Таков невозмутимый Талейран,
 Занесший нож над именем патрона.
 И вот предательств многомерный гений
 Врезает сталь в итоги шкурных прений.

ХII

Громадный куш — «Ломбардия с Миланом» —
 Без лишних слов ушел в тарелку Франца.
 «Венеция» — сладчайший куш — досталась
 Ценителю изящного Бейльштейну
 (То есть всё той же Габсбургской короне).
 «Саксонию» заполучил Вильгельм —
 Один из первых королей германских.
 Тут русский царь поймал глазами князя —
 Хромца, хлопчущего над столом,
 И князь вручил ему с поклоном «Польшу»
 На острие десертного ножа.

Сошлось! Стал император королем
Еще и Царства Польского, расширив
На запад территорию державы,
И без того, признаться, необъятной.
Но либерал своих начальных лет,
И филантроп, и обожатель женщин
Уже давно короной тяготился,
Клонясь в келейных помыслах к скиту.
Возможно бы, теперь Наполеон
Какую-то совсем иную мнимость
В нем уловил, но вряд ли б и тогда
Смог разгадать ее живую тайну.
К ней не приблизит нас и Таганрог,
Где скрипнет створкой двери за собой
Царь, утомленный собственной судьбой.

* * *

До корня вытоплены свечи.
Померкло памятное вече.
Там были все. А я там не был,
Со всеми вместе пива не пил,
И мед альпийский горных пчел
Усов моих не предпочел.
Он не потек по ним спроста,
Но вкус представили уста.

КОЗЬМА ПРУТКОВ

Автопортрет

Так чьи ж, курчавясь проседью, волосы
Зашевелились в легком неприглаже?
Кто так отважно бросил на весы
Портфель стихов в лирическом кураже?

Кто на бритвѐ ни времени, ни сил
Жалеть не станет, мыльный крем пузыря?
Кому цирюльник шею залепил
Квадратиком аглицкого пластыря?

В чьих очесах горит безумства жар,
Уста же изъязвил змеиный холод?
Кто, восклицая: «Боже, как я стар!...»,
В виду имеет: «Господи, как молод!...»?

Познав величье своего пути,
Кто, став символом вечного движенья,
Бичует всех и вся на фоне титанического самоуваженья?

И, стиснув угол мягкого плаща —
Прославленной в поэтах альмавивы,
Плеща, бросает за угол плеча
Ея вольнолюбивыя извивы?

Чья белая перчатка — черт возьми! —
Унизана перстнями через палец?
И ежели отвечаешь: «Козьмы», —
То лишь тогда ты будешь прав, гадалец!

Ли́ра

Бывают лиры много больше арфы.
Оне громадны. Но, увы-увы,
На них играют крохотные Марфы,
Их трогают малюсенькие Львы.

Ах, эти коготки!.. Какие муки
Им дергать струны, если дюжий слон
На ухо наступил... О, что за звуки,
Фальшивя, раздражают небосклон!..

А я владею лирой-невеличкой,
Но, эхом умно́женный во́ сто крат, —
Как ты перстами струны ни попочкай, —
Рокочет в небе доблестный раскат!

Не надо делать из меня кумира,
И так ведь сразу видно по лицу,
Что эта — в общем махонькая — лира
Принадлежит Великому певцу!

* * *

Хвалю себя за то, что смог.
Поднялся. Выдержал. Осилел.
Не жду похвал от тех, кто взмок,
Поросши мохом, как осинник.
Не «мохом», говорят, а мхом.
Да пусть хоть чем!.. В лучах сияя,
Я возвожу себя на холм,
И на холме хвалю себя я.
Потейте, хмурые козлы!
Вы всем горазды ставить «двойки».
От вас дождешься похвалы,
Как молока от вашей дойки.

Машинист Беккауер

Поля одеты в *трауер*.
 Гляжу на снег у Вятки,
 Как машинист Беккауер
 На белые перчатки.

Во все четыре стороны
 Трубы дымил горло,
 И сажа, точно вороны,
 Сбиваясь в хлопья, перла.

Как можно столько выпачкать?
 Какие тут порядки?
 Уж лучше б мне на цыпочках
 Дойти до самой Вятки.

Уж лучше б клячей старою
 Воспользоваться чисто...
 Начальство свежей парюю
 Одарит машиниста.

Перчатки-то Беккауер
 Сменил ввиду посадки...
 А как нам *тротуауер*
 Сменить и снег у Вятки?

Говорящая фамилия

Одному губернскому секретарю

1

Когда ты мелешь сущий вздор
 По поводу моих талантов,
 Мне жаль тебя, Илиодор
 Проклеветантов!

И самый подлый наговор
Не возмутит мой профиль дантов.
Позор тебе, Илиодор
Проклеветантов!

Докучных ведомств серый сор
Мизинца стоит ли Атлантов?
Будь выметен, Илиодор
Проклеветантов!

Кто вольнодумничать остёр,
Тому не место среди грандов.
Сгинь с глаз моих, Илиодор
Проклеветантов!

2

Опять ты вертишься, позер
И мелкий враль, в кругу гигантов?
Короче шаг, Илиодор
Проклеветантов!

Уймись, твердя, что перед сном,
Не делая большого шума,
Я развлекаюсь под столом
В манере Юма.

Что свечи не вращаю сам
Глазами, но, резов и прыток,
Щиплю впотьмах коленки дам —
Больших спириток.

А я спрошу тебя в упор:
— Ты это видел, жалкий сплетник?
Позор тебе, Илиодор!
Кыш, проклеветник!

Лжец попадает на лжи.
 Врун погибает на деталях.
 Меж дам встречались и мужи...
 А дамы в шальях

Тебе расскажут, что поэт,
 Знакомый им не понаслышке,
 Не за коленки щиплет — нет! —
 Но — за лодыжки.

И потому замри, вихор.
 Не место под столом у грандов
 Таким, как ты, Илиодор
 Проклеветантов!

Стирка. Басня

Стирала прачка во дворе белье:
 Лопаточки ходили у нее.
 Стиральная доска
 Дрожмя дрожала, взрыта,
 И пена, лопаюсь, вздымалась из корыта.
 Зато уж юбки, кофточки, платочки
 Явили все свои прелестные цветочки...

Художник! Так и ты стирай без перемены,
 Три гумиластиком, сор смахивай с листа,
 Ломай карандаши, меняй их хоть до ста, —
 И Афродита явится из пены!

К вельможе

*Посвящено
старинному моему приятелю,
португальскому посланнику
и мореплавателю дону Сантушу Этушу*

Чин адмиральский, знатен, рыж,
Глядишь, прищурясь.
Но не пойму, куда глядишь,
Слегка нахмурясь.

Вверх или вниз — через плечо?
Вперед ли, вкось ли?
Вот почему к тебе еще
Приду я в гости.

Пускай Малашин подождет
Пирог с черникой,
Тем более, что пост идет
У нас Великий.

Вручив лакею трость, цилиндр,
Наверх взлетаю.
Ведро нам много. Славься, литр
Мадеры к чаю!

А где же кисти, мой эстет?
Подай мне краски!
Я набросаю твой портрет
В античной каске.

Ты будешь мужественен, как
Геракл на Крите, —
Танцующий меня шаг,
Как бы в корриде.

А впрочем, ты и без быка
Хорош на диво.
Смотри, как движется рука
Моя ретиво.

Я холст умасливать люблю
Немало лет уж.
Вот тут твой взгляд и уловлю,
Дон Сантуш Этуш!

Вот тут и станет ясно мне, —
К чему дебаты? —
Что устремлен твой взгляд не вне —
Глядишь в себя ты.

О, этот взгляд... Так смотрит мавр —
Прапращур гранда.
И я срываю славы лавр
С венка Рембрандта!

Шедевр окончен. Что ж? Нет слов.
И ты стоишь, нем,
Пока рисую: «*К. Прутков*»
Я в правом нижнем.

Портрет украсит Круглый зал
В фамильном замке,
Лишь разрешит мой адмирал
Проблему рамки.

Так у любезного посла,
Забыв Малашу,
Монашествую в честь поста,
Досуг свой крашу.

Отец Егорий (Носов)

Поев салат с цикорием,
Испив кагора рюмку,
Я под отцом Егорием
Свою нащупал сумку.

Подслеповато в трапезной,
Лишь стол от свечек розов.
Вот в темноте арапистой
И промахнулся Носов.

— Куда ж уселись, батюшка?
Тут — клюква.
— Клюква?.. Ох-ма!..
(Почувствовал — видать уж как,
Что мягко. Мокро токмо).

Содвинул доску с досточкой.
Присел теперь на доски.
Но чует каждой косточкой,
Что очень преждежки...

Сначала было, стало быть,
Хоть мягко, да мокренько.
А после стало, стало быть,
Хоть сухо, да тверденько.

Случится б тут философу
Для пущего блаженства,
Он недоступность Носову
Раскрыл бы совершенства.

Мой портрет в старости

Прекрасный старец пышно распустил
Волнистых прядей лунные седины
И на салфетке тайно начертил
Какой-то знак, но лишь до середины...
А что сокрыл символ в себе, увы,
Того в веках не разгадать и Канту.
И светския склонили гривы львы
В знак уваженья к дивному таланту.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ БАС

Что ты, Федя, давно не поёшь свои долгие песни?
Распотешь волгарей, потрудись подивить их опять.
Народись на заре, проживи, опочи и воскресни.
Ты ведь мог как никто необъятное песней объять.

А зима на Москве — это Цюрих, сопливая сырость.
Солнца с месяц как нет, лишь шуршат ледяные дожди.
Лишь дожди! Обрушай свою барскую шубу навыворот
И в кабацкую ночь подпалившийся бонус дожги.

Прежде был «Метрополь» и хрустящая белая скатерть.
Семь учтивых стрижей каждый свист твой ловили на бис.
Сбросив на пол меню, ты любил ожидание скрасить
И шершавым углём рисовал на крахмале эскиз.

Из театра Артиста несли на руках, как хотели,
Но прошли времена, поменяв номера у квартир.
А театр всё Большой... Лишь колонны его похудели.
И в Москве — маскарад: «Отвори ворота, карантин!»

По бульварам кружит итальянцем сработанный обод.
В ресторанах Солянки — Полянки — Таганки — Тверской
Ты кричишь: «Человек!» — А из нетей является робот.
Просишь: «Щуку на стол!» — Подают тарталетку с треской.

Но горят фонари, и фонтан узнаётся по стуку.
Купол крохотных звёзд озарился и снова погас.
А Фортуну спросить: «Это кто там потребовал щуку?» —
И Фортуна ответит: «Да так... Заблудившийся бас».

Нам нельзя повторить ни минувшее время, ни место.
И нельзя повторять! Партитуры их слишком толсты.
На десерт господам здесь предложат немецкое меццо,
И сиденья, спеша, водружают уже на столы.

ЧАРЛИ ЧАПЛИН

А попрошайка, вышедший пройтись без всяких дел,
Цветок, от грусти высохший, себе в петлицу вдел.

Хоть дружит с подворотнею давно его кино,
Осанку благородную унижить не дано.

Приклеенные усики и черный котелок.
Смущаясь, глазки-бусинки глядят куда-то вбок.

Штаны на недоросточка, хлобыщут башмаки.
Но! Щегольская тросточка кружит вокруг руки.

Не радость ли подарена на удивленье всем?
Приглашена окраина на раут в Букингем.

Уроки элегантности беспечно, как пустяк,
Дает мужам галантности бродяжка и босяк.

Метнёт валета по столу, расслабится и вдруг,
Курнув, сигарку толстую погасит о каблук.

Пока крутилась тросточка и за собой вела,
В его петличке розочка сухая — расцвела.

ВЕРТИНСКИЙ. СЕРЕБРЯНЫЕ БУСЫ

У меня состаренные вкусы.
Обожаю в ниточку усы
И дарю серебряные бусы
Тем, что молчаливы и босы.
Тем, кому — уввы! — за девятнадцать.
Лучшее осталось позади...
Тем, кому устали улыбаться
Солнечные майские дожди.

Сколько б мода их ни обувала —
Маленьких причудниц и шутих,
Лампы Чистопрудного бульвара
Славно озаряют дерзость их.
Кто бы думал, с крейсера «Аврора»
Сотрясая снежные дворцы,
Возродиться плесенью «Рокфора»,
Адюльтером хвори и гнильцы?

Кто бы знал, пересолив онучи
В непролазной каше Сиваша,
Как струёй шампанского шипучей
Оросится грешная душа?
Я читаю мемуар Челлини,
С чтением иным повремениа.
Впрочем, вы, что босы, молчаливы,
Вправе и не брать пример с меня.

Что я вам — беспечным и упрямым,
Пьющим заповедное вино,
Нетерпимым к фальши и управам,
Вольностями балованным? Но:
Как бы ни менялись ваши вкусы,
Ни торжествовали крейсера,
Постарайтесь, сберегите бусы
Памятного сердцу серебра.

БОРИС ЧИЧИБАБИН. ЧУДО

Я радуюсь тому, что ты
несешь корзинку,
что солнце льется на цветы
и греет спинку,

что ослепительна лазурь,
знакома тропка,
что язычок с листка слизнул
росу торопко.

И смотрит матушка вослед.
Июль в Провансе.
Ложится рядышком валет
на тюль в пасьянсе.

Привету радости земной
душа послушна.
Пастушья сумка, зверобой,
птенец, пастушка...

Доверься, девочка, родству
ветвей и света.
Я одуванчиком расту
поодаль где-то.

Янтарный луч прилип к смоле.
Жар-птица в кронах.
Забыл о часе и числе
уснувший Кронос.

Куда ушла, в какой тайник
сокрылась нечисть?
А миг, как вечность, стал велик
и чист, как вечность.

Он не убудет — слышишь? — нет!
Он жив, покуда
на сердце солнце сеет свет,
а в сердце — чудо.

ОДРИ

О счастье

Весна! Мне пятнадцать. По лужам — шаги.
В зеркальном дрожанье колеблюсь.
Все в мире дороги ведут в Лужники.
Там — Рим. А до Рима — троллейбус.

Как будто под первого грома раскат
Туда, не жалея силёнок,
Да так, что упругие рожки искрят,
Счастливый бежит оленёнок.

Забит под завязку ледовый дворец,
Как цирк богоравных калигул.
Москва опустела на вёрсты окрест
В предчувствии «Римских каникул».

Принцесса, как жемчуг в морской глубине,
Смешав простодушие с риском,
Сияет от счастья в экранном окне,
А счастья не может быть слишком.

Его торжество из негласных торжеств.
В своём благородстве роскошном
Оно превращает движение в жест
И мучает взором раскосым.

Оно забирает, как узника, в плен
И держит под каменным сводом.
Оно отпускает без всяких замен
Навстречу постылым свободам.

Веселье оно обретает в тоске
И делает радость печальной...
Троллейбус плывёт по уснувшей Москве.
«15-й».

Синий.

Случайный.

В Альпах

Босоножка. Парчина в лохмушках.
На ветру расшалившийся хмель...
Остроте её щиколок узких
Позавидовать может газель.
Приближённые герцога Альбы —
Родовитости древней, как лес.
По дороге в швейцарские Альпы
Не встречалось таких баронесс.

Тонконогая статья балеринки
И мальчишеской стрижки сюжет
Подтверждают, что не раболики,
Кто беспечен к распаху манжет.
Пусть бутылка торчит из кармана,
Как горячий привет ледника,
Утро — рано, и всё — еще рано!
Ничему не найти двойника.

Ни изгибу насурьмленной брови,
Ни смиренью прощённых обид.
Лишь доверчивость детской любви
В этом взоре невольно сквозит.
Что ж, что крепок штакетник короткий,
Пег булыжник, корява кора,
Если взгляд наполняется кроткий
Искупительной силой добра?

АНГЕЛ

Где ангел подлунный в сиреновом свете
Взирает на землю зимы,
Он видит лесов опустевшие сети,
Печальные эти холмы,
Внизу, у подножья, как гроздка калинья,
Дрожанье пугливых огней
Да снегом густым опушенные крылья
Куда-то бредущих коней.

Из топкого наста, из вязкого бора
Не вынуть усталых колен.
Как мучит неволя, как манит свобода,
Как снежный томителен плен!
Но кто же услышит и кто отзовется,
Когда воспарят, наконец?
Вот-вот зарыдает, вот-вот оборвется
Под гулкой дугой бубенец.

И вспомнят, наверно, лишь малые дети,
Что воля горька и глуха,
Раз ангел подлунный в сиреновом свете
Не сходит на наши луга,
Раз мимо летит он в рассеянной дымке
По краю земли и небес,
Раз не с чем припасть нам к стопам невидимки,
Пока он совсем не исчез.

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ. БОР

Девочка — Вишневая шапчонка
Бегаёт за бабочкой вослед.
Собирает лютики девчонка,
Украшает ягодой букет.

Пыльный свет стоит в проемах бора,
Тьма сгустилась, полная чудес.
Скрыт от неприветливого взора,
Как ларец, в лучах мерцает лес.

Ой вы, шелковистые опушки!
Ой, поляны светлые, вы чьи?
Бесконечно длится счет кукушки,
Беспечально плещутся ручьи,

Где, бродя по солнечному пиру,
Как дриада, чуткая на зов,
Тишина настраивает лиру
Камертоном птичьих голосов.

Тыщу лет тебе гадалка прочит,
Только сушит губы ворожба,
И уже ощерилась по-волчьи
В трех шагах изменница-судьба.

* * *

Женщина плачет, склонясь над столом,
Голову взявши в ладони.
К ней с четырёх подступают сторон
Тихие сёстры недоли.

Первая тень у неё увела
Вслед за собой её веру.
Горе не терпит пустого угла
И забывает про меру.

Если любовь и владеет людьми,
Не навсегда эта странность.
Старость щадить не умеет любви —
Вот и любви не осталось.

Слёзы свои выставлять напоказ
Вовсе не в правилах наших,
Только белки покрасневшие глаз
Не ускользнут от домашних.

Пусть рассуждает о мужестве тот,
В ком равнодушие окрепло.
Чутких злосчастие мучит и жжёт.
Жжёт и сжигает до пепла.

ДАВИД САМОЙЛОВ. ВОЛК, БАБУШКА И ДРОВОСЕК

Там дровосек с утра дрова кидал.
Он виден был через окно сторожки.
А бабушка, краснея, как коралл,
в ушах качала длинные сережки.
«Как молода! Чертовски хороша!
И, верно, без ума от дровосека... —
подумал Волк. — Вот инфантильность века». —
И закурил, сухой табак кроша.

«Благоустройство в нашем государстве
всецело опирается в бюджет.
Мы говорим о равенстве и братстве,
а делимся на хищников и жертв», —
заметил Волк.

«Но было так всегда! — она сказала. —
Вспомним Лафонтена
или Перро... Земля — большая сцена.
А я уже спектаклями сыта.
Они не для старушки из сторожки...» —
И машинально тронула сережки.

«В активности залог земных удач, —
Волк молвил. — И в профессионализме.
Хочу от этой истины удрать,
да некуда! За нею опыт жизни».

«Активность — двусторонняя медаль.
Не в ней ли семя будущего праха?»
На дровосеке вымокла рубаха —
так он полешки весело метал.
«По части же владенья ремеслом, —
сказала бабушка, — вы, вероятно, правы.

Я пользу ремесла ценю во всем.
Кроме любви...»

Она в окно взглянула и зарделась.
«Мадам, прошу прощения за дерзость,
но и в любви уменье не порок.
Не все же нам душевные страданья?»
«Да-да, — она кивала, — видит Бог...»

А впрочем, разговор был самым ясным.
Речь шла о пирожках, горшочке с маслом,
о том, что нрав людей неодинаков,
пример тому — движение поляков.
«Увы, мой друг, народы слишком разны... —
услышал он начало новой фразы
и распахнул окошко: — Се ля ви!..»

А за окном кипели соловьи,
и дровосек уже рубаху скинул.
Без топора, движением руки
он разрубал сухие чурбаки,
как корж, на солнце запекая спину.

Волк шел тропой петляющей и темной
от бабушки пылающей и томной.
Он не встречал досель подобных дам.
А дровосек закончил работенку
и продира л гребенкой бороденку —
курчавую, со щепкой пополам.

Но смолкли соловьи, стряхнув истому,
когда он в профиль повернулся к дому —
могучий мускулистый человек.
Одни кукушки глухо куковали.
А бабушка всплеснула рукавами
и задохнулась: «Боже, дровосек!..»

МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ. ФОРМУЛЫ РЕЧИ

Товарищи!
Исходя из, а также в свете того, что,
Я целиком и полностью.

Мы со всей остротой подвергли.
Начиная от и вплоть до.
Думается,
Выступавшие поставили принципиально.
Имеем ли мы всё, чтобы?
Да. И это вселяет.
Но — однако.
По вполне понятным. Чисто объективно.
Не упуская из виду, что международная обстановка
Оставляет.
И тут невольно встает: а кому это выгодно?
Кто нацелен торпедировать поиск взаимоприемлемых?

Мы хорошо понимаем, что.
Нам чужды как, так и.
Мы твердо стоим на.
Но если нас вынудят, то.
Невзирая на неукоснительное выполнение
Всех взятых на себя.
Тем не менее это не может служить и не служит.
А потому, с учетом предыдущего,
Я, товарищи, не теряю, что и здесь мы достигнем.

Хочется подискутировать о.
Нам тут некоторые доброхоты
Подбрасывают в расчете на.
Напрасный труд.
Да, у людей наболело.
Перестройка стала их жизненной,
Но мы будем искать строго в рамках,

Эффективно используя еще не выявленные.
И пусть подавляющее меньшинство
Не надеется на то, что.

Скажу по поводу.
Демократия — это.
Плюрализм требует.
Свобода диктует.
Но кто позволил, и какие силы стоят за?
Однако всё это вовсе не означает, что.

Тут товарищи своевременно обратили
И поставили — так, что мы не можем пройти.
Партию необходимо.
Но культурно. Грамотно.
И вопросы истории, и теории,
И проблемы, относящиеся к.
Давайте обменяемся между.
Давайте посоветуемся и создадим.
Главное сегодня — не заболтать.
Я твердо убежден:
У нас есть все основания, чтобы и впредь!

БУЛАТ

Прощание

Ни о чем я не вспомню сегодня, уволь,
лишь о том, что однажды, родное оплакав,
твое имя откликнулось в нас, как пароль,
и к Москве обернулся взволнованный Краков.

Мы и знать не могли, что нас ждет впереди.
Мы и ведать не ведали, кто к нам стучится, —
только каждый почувствовал: слева в груди
всколыхнулась какая-то райская птица.

Что-то было такое в повадке ее...
Воздух делался звонче, а небо богаче,
в Бытие превращалось скупое бытѐе.
Мы ее полюбили, а как же иначе?

И когда угасал невесомый полет
и слова утешенья вдали замирали,
как под ласковый кров, укрывались мы под
крылья тайной надежды и ясной печали.

Эти струны, покорные певчим перстам,
этот голос, связавший земное и выси,
я ловил — не наслушаться — лившийся к нам
из последней вахтанговской правой кулисы.

Почему убывать не умеют года?
Вот левкои, что были тобою любимы,
не смутись, подари их Марии, когда
к Ней — Светлейшей тебя вознесут серафимы.

Старые песни

Припоминая всхрипы «Яуз»
И гул включаемых «Комет»,
Я, как и прежде, удивляюсь
Тому, какой печальный свет
Он источал, кружась и тая,
Всего лишь голос и струна,
Да звон случайного трамвая,
К нам долетевший из окна.

Между бобинами плескалась,
Непостижима, как вина,
Жизнь, умудренная, как старость,
И выжатая, как война.
И каждой песни было мало,
Когда душа тянулась к ней...
А ленточка, вильнув, шуршала,
Дрожа на швах, где слипся клей.

БОЛЬНОЙ КОТЁНОК

Я не плачу, а жалобно плакаю.
Гадкий карлик мне лапку обжог
И ударил припрятанной палкою,
И свинцом налился, как божок.

Во дворе молодая натурщица
Сор метёт. А успеет? Не факт.
Ну, а что на совок не натрушится,
Дометёт многодетный инфант —
Немец Лейбниц, учитель гимнастики —
До контейнеров «Мусор» и «Сор»,
Устремляя на прелести Настеньки
Целомудренной робости взор.

Но Шарыгин — полковник на пенсии,
К этим «фантам» весьма нетерпим.
Он берёт не цветами, не песнями,
А напором — компрессор — своим.
Начинал он карьеру при Каине.
Не пустяк: и просёк и достиг.
А закончит куда неприкаянней
В богадельне беззубых заик.
И, снабжённый контактными линзами,
В остальном толстопят, коренаст,
До поры наблюдает он издали,
Как владеет метёлкой гимнаст.
Как справляется с дрожью философа,
Чтобы сделать вокруг «колесо»;
Как бормочет: «Настасья Федотовна...»
А на большее он не спосо...
Бен Шарыгин, прислушавшись к рокотам,
Из сопла выпускает струю

И уносится с дьявольским грохотом
На постылую фанзу свою!

Все при деле. У всех свои трудности.
Мётлы, радости, гости, совки...
Но по мудрости или по скудости,
Маслом туи наквасив виски,
Никогда не заглянут под лестницу,
На суставы свалив и колит,
И не спросят, сочтя за нелепицу:
— Боже праведный! Кто там скулит?

Щели заткнуты дымною паклею,
И на камень клонясь головой,
Я не плачу, а жалобно плакаю.
Над людьми, над совком, над собой...
Я же маленький, всё позатупится.
Не таких излечили года.
Но сейчас я уверен, Заступница,
Эта боль не пройдёт никогда.

КОНДАКОВ – ТРОПАРЁВ

Откровенно сказать, с мастерами
Нам фартит далеко не всегда.
Сколько лет мы вообще себе сами
Шили, пряли, точали, стирали.
Но пришло разделение труда.
Побежали кусачие токи
В проводах оголённых, как крик,
И явились напарники-доки,
Ставя тесторы нам на пороги.
Модным сделался цвет «электрик».

Как шутили, и в Арле, и в Скопле:
«Чтоб на воздухе между столбов
Вам, невеждам, не плакаться после,
Свесив, что называется, “сопли”
В виде скрученных в жгут проводов,
Спец, обуи свои “кошки” без злости
И, впиваясь когтями в столбы,
Как к искрящему дьяволу в гости,
Лезь наверх, невзирая на кости
Под слепой черепушкой судьбы!»

Что ж... Однако на мастера мастер
Не приходится. Ясно без слов.
За маэстро увьётся ломастер,
И пойдёт, как народный блокбастер,
В мир тандем «Кондаков – Тропарёв».
Помолясь, обратимся к истокам.
Что такое *кондак* и *тропарь*
В их начальном значенье высоком
Вовсе безотносительно к токам,
Не прошившим церковный словарь?

Это — песни, хвалебные песни,
 Что поют голоса клирошан,
 Устремивших свой взор в поднебесье
 И оттуда взыскующих вести
 Сквозь дежурных каждений туман.
 Видно, в прашурах наши монтеры,
 По доходным домам ходоки,
 В песнопениях древних матёры,
 Голосистей, чем в храме актёры,
 Петь могли тропари-кондаки.

А потомкам труждаться по токам...
 Первым в двери звонит Тропарёв.
 Слово льётся широким потоком,
 Как оно подобает пройдохам —
 Поздним отпрыскам древних хоров.
 Корифей трансформаторной будки
 И природных разрядов знаток,
 Он не против хоть целые сутки,
 Рассыпая вокруг прибаутки,
 Вам рассказывать байки про ток.

И давать деловые советы,
 И чертить на бумаге «цепя»,
 А потом перейти на ответы
 И поставить, как любят поэты,
 На резиновый коврик — себя.
 Мастер! Он уже крутит, мигает,
 Жжёт паяльником косо и вдоль,
 В канифоль инструмент умокает,
 По-короткому цепь замыкает:
 Искры, мат. Дело ясное — ноль.

Кондакова пока что не видно.
 Где-то правит хозяйке утюг.
 Всю работу он делает дивно:
 Аккуратно, легко и спортивно,
 Словно это не труд, а досуг.
 Вот вошёл, осмотрелся, спокоен,
 Тропарёву сказал: «Отойди».
 И напарник, неожиданно покорен,
 Как свистун, занавеской зашторен,
 В оправданье бормочет: «Гляди,

Надо б влево, назад и пониже...»
 Кондаков: «А теперь помолчи.
 Надо вправо, вперёд и повыше».
 Так, жильцы, заполняется ниша
 Тем, кто даром не ест калачи.
 Скуп на слово, серьёзен и точен;
 Как раскольник пред образом, чист,
 Он служеньем своим озабочен,
 И ему докучает не очень
 Шебутного напарника свист.

Так и ходят вдвоём по квартирам,
 По подъездам окрестных дворов —
 Кондаков, дорожащий мундиром,
 А вослед за своим командиром
 Весь в обносках болтун Тропарёв.
 Но всего-то забавнее — это
 То, что оба довольны весьма:
 Не оставит один без совета,
 А другой не оставит без света
 В новогоднюю полночь дома.

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА. ДИАЛОГ ЧРЕЗ ПРИТВОРЕННУЮ ДВЕРЬ

Сегодня, я сказала, мудрость льда,
сквозной озноб хрустальной чаши с пуншем
слабей моей приверженности к пушам
и старомодней, чем в окне слюда.

Русалочья щепоть моя, прости,
что я тщетою утрудить готова
тебя и от окошка слюдяного
свет отщипнуть и удержать в горсти.

Я это повторяла столько раз,
я разняла так много долек солнца,
что треснуло слоистое оконце,
как в локотке протершийся атлас.

И лишь тогда взглянула я на дверь,
точнее, на веревочку дверную,
пускай узнает, как я озорую,
настоенный на дебрях зимний зверь.

Как я умею с тканью баловать
и, растрепав бечевку до лохмушек,
как я люблю в смятенных и плакучих
прибрежных ивах мыслью пребывать.

О, пепельных крупинок нежный крах!
Какое счастье, встретив чужеземца,
сказать ему, что он не хуже земца,
а лучше, лучше земца во сто крат.

Когда он постучит в мое окно,
аптекарской укутанное ватой,
я притворюсь больной, витиеватой,
но будет мне не больно, а смешно.

Велю ему веревочку найти
и трижды дернуть за нее успешно.
Он не найдет. Ведь я ее успела,
как ниточку, до точки расплести.

— Где вервие? — он крикнет мне с крыльца
простуженно сорвавшимся фальцетом.

Отвечу я:

— Ах, мне ли знать об этом? —

И волчья шуба вспыхнет, как пыльца.

— Кому же знать, мой друг, как не тебе? —
подвигнет он голосовые связки.

— Не котик ли унес? Что спросу с Васьки... —
предположу, подумав: здесь тире.

— Достойно ли, на пяточках топчась,
питать к дверям холодную враждебность?
Будь добр, разденься.

— Как же я разденусь
на улице?

— А как же я топчан
покину? Ну, попробуй надавить.
Я чувствую, что ты немного взвинчен.
Дерзай, изобретательный *да Винчи*,
нажми плечом, а слов не надо вить.

Что толку в них? Скажи, что толку в них?!
И есть ли утешенье мирозданию,
когда ты чешешь долгой левой дланью
правейшую из раковин ушных?

Ударь в косяк! Я — музыка твоя.
Толкни порог. Ужели он не ветхий?
Прорвись в окно заиндевшей веткой.
Осеребрись метелью бытия.

А если восклубится пар у рта,
я верю: твой напрасный гнев уймется,
лишь только в дверь плечо твое упрется
и выяснит, что та не заперта.

КРАСАВИЦА – XXI

Ещё ни мало не воспеты
Под небом Средней полосы
Разнообразные аспекты
Её пленительной красоты.
Бровей пугающих зигзаги,
Крутая палубная брань
И губы чёрные, как стяги...
И губы чёрные, как стяги
Пиратской шхуны «Астрахань».

Пропоротые щели джинсов,
Торчащие узлы колен...
Кто с этой невидалью сжился,
Тому былые крали — тлен.
На пятке у нее фонарик.
Нападки на неё не в топ.
В фаворе у неё «Феррари»...
В фаворе у неё «Феррари»,
Дизайном сплющенный, как клоп.

Нужна ей физика, как Пиза.
А реактивных сопел грюк
И струи, вырванные сизо,
Ей слаще, чем фанату Глюк.
Бросок ей ставила акула,
А пробивную силу — танк.
На Масленицу, блин, толкнула...
На Масленицу, блин, толкнула
Она в Фейсбуке пару штанг.

Не ей табак, прищурясь, нюхать,
Лак коготком скрести с трибун
Или младенчиков агукать,
Мотая гривкой, как стригун.

У ней эстетика другая.
Она не то, чтоб рокова,
Но если кликнешь: «Дорогая!..» —
Да, если кликнешь: «Дорогая!..» —
Зашьёт в подарок рукава.

ИОСИФ БРОДСКИЙ. ПИСЬМА ИЗ ПРОВИНЦИИ

Нынче ночью был буран, ломало ветви
и приваривали рощу к небу грозы,
а теперь такая тишь, что маловеры
псалмопевают и можно бегать кроссы.
Я воспользовался сменой настроенья,
чтоб слегка посибаритствовать в сторожке,
где женьшеневый отвар для нестаренья
оприходываю в час по чайной ложке.

* * *

На бутылки — дорогая этикетка,
старец там изображен, мудрец, а тоже...
Утверждают, что доселе он нередко
пожинает наслаждения на ложе.
Но не лучше ли сказать *вкушает*, Пестун?
Здесь — провинция, забудешь и глаголы.
В одиночестве прикладываю к месту —
чтоб ты думал, Пестун? — корень мандрагоры.

* * *

Есть ли новости в столице? Я большому
шуму вашему давно не доверяю.
Все, наверно, презентации да шоу?
Предпочтенье демагогу да варягу?
А у нас осенний лист сквозит в дубравах,
рассуждают доминошники о «рыбе»...
Лучше в Галлии быть первым среди равных,
чем вторым — или каким еще там? — в Риме.

* * *

Чисто выметена скромная сторожка,
щиплет ноздри пыльный дух от сеновала.
На столе — лесной букетик и та ложка,

из которой я отведевывал отвара.
 Жил бы, Пестун, я, как инок, вне гарема,
 да природа каждый раз меня задорит.
 Не сложилась мировая теорема:
 воля с предопределением в раздоре.

* * *

Спор заходит о правах акцентов старых.
 Ты не Пёстун, а Песту́н, в трактовке новой...
 Поищу, пожалуй, истину в отварах,
 как советует мудрец яйцеголовый.
 Помнишь, Пестун, ты меня знакомил с дамой?
 Седовласая, но полная азарта.
 Как могла, она порадовала гаммой
 чувств и пала безымянной жертвой марта.

* * *

Не успел переварить одно событие,
 как... Постой, налью воды в кувшин с цветами.
 Я отстал от жизни... Кончилось соитье
 наше с Африкой? А счета во Вьетнаме?
 Да... Так вот. Другую, глядь, несет невесту
 резвый случай. Я лежу, как на погосте.
 (Разреши тебя по-прежнему звать Пёстун,
 а словарь пускай захлопнется от злости!)

* * *

Стук. Веревочка. Корзинка. Одеяло.
 Тары-бары. «Что за нос?.. Какие уши!»
 Постепенно все, что нас разъединяло,
 становилось незначительней и уже.
 И во мне вполне окрепла точка зренья,
 что на скепсисе далеко не уехать,
 что пора вернуться к первым дням творенья,
 а занудство и сомненье сдуть, как перхоть.

* * *

Друг мой давний, приезжай! Намажу масла,
натрушу из пирожка немного риса.
Покажу тебе прабабушкины прясла,
разложу ковер под сенью кипариса.
Я найду тебе с лукошком великаншу,
а захочешь — в распашонке лилипутку.
Разве мы с тобой не вместе ели кашу?
Разве врозь бродили мы по первопутку?

* * *

Пестун, друг мой! Приезжай, не пожалеешь.
Дровосеки потянулись клином к югу.
Ах, как долго же ты, в самом деле, едешь!
Или нечего поведать нам друг другу?
Вспомним молодость. Стихи из-под копирки.
В чаще лапами потопчемся босыми
и посмотрим, как гуляет по тропинке
сочинитель «Сказок матушки Гусыни».

СПЯЩЕМУ

Он в колыбели спал при матушке,
 Колеблемый её рукой.
 Его подушечки примяты
 И слово первое: «Укрой...»
 Племян истории извилисты.
 Триумф. Крушение. Ничья.
 Он безмятежно при Озирисе
 Спал под чинарой у ручья.

Он предавался сновидениям,
 Когда, добывши, как трофей,
 Его вносил в свои владения
 Бесшумной поступью Морфей
 И опускал руками мягкими
 На луговую сон-траву,
 И осыпал, колдуя, маками
 Его безвольную главу.

Являлось воинство Антихриста.
 В рогах. Страшнее не приснись.
 А он посапывал бесхитростно
 И сна не стяхивал с ресниц.
 Являлось Царствие Небесное,
 Но и мечту постиг распад,
 И возвращались снова бедствия,
 А он и бедствия проспал.

Ему никто не ставит памятник.
 «За что? О чём его дела?»
 Но сон счастливец чист, как праведник:
 Он никому не сделал зла.
 И не находит смысла ссориться
 С тем, кто рулит ордой арен,
 Кого замучила бессонница,
 Кто вечно жаждет перемен!

СКРИПАЧ

Под крышей обитает скрипка,
А на земле, у самых ног,
Смычку, взлетающему гибко,
Аккомпанирует скребок.
Солист нам шлёт за вестью вести,
А у него над головой
Перегоняет волны жести
Упругий ветер верховой.

Пока мелодию боренья
Ведет упорная рука
Между порывами Борея
И крепким рысканьем скребка,
Игрец, на них свой подвиг зижди
И воздевай певучий кий -
За монотонный шорох жизни
Под свист разбойничьих стихий!

МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ. ФЛАГМАН ЕВРЕЙСКОГО ФЛОТА

— Эй, на байже!
 Доёгу съянам суйтана!
 Идет фьягман евьейского фьёта паяход
 «Йоссия».

Сдъейфуйте с нашего куйса к чёйтовой матеи,
 чтоб я вас бойше не ицезьей. Сдъейфуйте, я вам
 говою!

Штуйман, попявь фуяжку и пьявей майшьют.
 Меня интъигует машина. Ох, как меня
 интъигует машина!..

Кочегай, сбось этот байский хаят и надень
 пьастую ябочую ёбу.

В машине, ебята, дьужно за япаты, дьужно за
 яботу!

Штуйман, ты пьявей майшьют? Моядец.
 А тепей выкинь всё из гоявы и сьюшай мою
 команду.

Значит, так. Идешь чеез Чёйное мое — пьамо,
 пьамо, всё вьема пьамо. Никаких гайсов, никаких
 повоётов. До отвьящения пьамо.

И вдьюг...

Езко повоячиваешь вьево.

Нет, отставить! Впьяво.

Не вьево, а впьяво. Под пьамым угьём.

И опять пьамо, пьамо впьётъ до пьавива
 Босфой.

Пьяходишь Мьямойное мое. И чеез пьавив
 Дайданейи выходишь аккумулят в Съедиземное мое.

Тойко не сьюшай свистунов, что эти пьавивы —
 мечта всего юсского наёда. Какого наёда? Не наёда,
 а пьявлящего кьясса. Чуешь язницу?

Коёче...

Эй, на байже!

Вы дадите доёгу сынам суйтана?
Идет фьягман евьейского фьёта паяход
«Йоссия».

Он бый спущен на воду со стапеей одесского
пойта, когда вашу байжу уже поягаясь
заяжить в пейспективные пьяны по утиизации
пьясьёченного обоюдования.

Штуйман, ты попьавий фуяжку, как я тебе
пикажай?

Моядец!

Сними, надень феску.

В машине, ебятки: Абьямович, Ябоконь,
весей-весей! Пацаны, что-то мы подзастьяи
и выбиись из гьяфика.

Теефон, айё! Это камбуз? Пьясковья, пьинесите
мне файшиёванную йибу, две хуймы и юмку ёма.
Это капитан говоит.

Что? Не сьишу. Что-то хьюкает. У вас не
хьюкает? Пьясковья... Вы куда пьяпай? Бухтите
в тьюбку. Я-то никуда не пьяпай. Я в юлке.
В какой? В своей, в капитанской...

Эй, на байже!

Вы дойго будете пеегояживать доёгу
адмияйскому коябью?

Ийи вы поягаете, что фьягман отпьявится
в обход?

Не много йи на себя беёте?

Тут кьюгом одни меи. Чуть пьяхъёпаешь и вып.

А я не могу вытягиваться, как севьюга, ийи
яспьющиваться, как медуза. Это ж паяход! Жесткая
констьюкция.

Напьясно вы испытываете мое тейпение. Ох,
напьясно игьяете у меня на нейвах!

Сьюшайте, посьедний яз спьяшиваю: вы
освободите нам куйс ийи мне вас пьятаянить, как
осиновую гниюшку?..

Дайте мне вашего капитана.
Это капитан? Пьявда? Что-то по голясу не
похож...

С вами говоит фьягман евьейского фьёта
паяход «Йоссия».

Может быть, пьекьятим паяд амбиций и сядем
за стой пееговоев?

Не понимаю. У вас кийдык с гоючим? Так
поднимите паюса!

Хватит моёчить голяву моему паяходу! Вы —
что? Не можете сдъейфовать с нашего куйса?
А чисто пьяизнести съёво «Йоссия» вы можете?

Пьёбуйте-пьёбуйте...

Ийи чисто вы можете пьяизнести тойко
название своей байжи: «Советский Союз»?

Штуйман, ты надей феску? Моядец.

Сними, надень кипу.

Когда мы пьидем в Хайфу, мы повезем паяход
по шоссе сухим вояком со Съедиземного моя
в Кьясное — чеез весь Изьяий!

Есьи я увижу, как мне объехать эту байжу...

БИБЛИОГРАФИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ КНИГ АВТОРА

Спросит вечер	М., 1987
Дашти Марго	М., 1991
Рождественский дар	М., 1996
Щелковский сатирикон	М., 1998
Время, полу-время, времена.	
Стихи и поэмы	М., 1999
Кораблик. Стихи	М., 2007
Прутковиада. Новые досуги	СПб., 2010
Зимняя канавка	М., 2012
Оя	М., 2015
Избранное	М., 2016
Императорский театр	М., 2020
Свободный полет	М., 2021

СОДЕРЖАНИЕ

К ИСТОРИИ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ	5
«Городские старые ворота...»	7

I. ЧТО СЛУЖИТ ДОСТОЯНИЕМ ПОЭТА?

1	
ЛУБЯНОЙ ГОРОДОК (1237 год)	11
КУРСОВОЙ ПЕРЕУЛОК	14
КАКАО	15
2	
ПЕРЕД РАССВЕТОМ	18
СНЕГОПАД НАД ПРАГОЙ.	19
ИВА	21
3	
ПЕТУШОК (1 мая 1952 года)	22
ТИШИНА	23
НОЧЬ РОЖДЕСТВА	24

4

«Над Малой Страной...»	26
В СТРОМОВСКОМ ПАРКЕ	26
СОЛДАТИК (август 1968)	27

5

ЗЕЛЕНАЯ ПОДКОВА	29
ПАТРИАРШИЙ МОСТИК	29
НОЧНОЙ ДОЖДЬ	30

6

НАТЮРМОРТ	32
ТЕАТР ПАНТОМИМЫ ДВА ФРАГМЕНТА	32
ПЕРВЫЙ СНЕГ	34

7

МОЯ МАНСАРДА	35
ТАБЛИЧКА	36
ТРОИЦА	37

8

РОЗА ЧЕХИИ	38
«Что служит достоянием поэта?..»	39
ПРАГА	39

II. ЛИРА ВОДОЛЕЯ

1

БЕЛА РЫБИЦА	45
ОСТРОВ ВЕЛИКИЙ	46
«Сник от жары кузнечик...»	47
АВГУСТ	47

2

ОКА	49
ВИТАЮЩИЕ В ОБЛАКАХ	50
ТРИ СВЕЧИ	50
В САДУ	51
АЛКОНОСТ	52

3

«Ни смеха не помню, ни слез...»	54
«День пролетит, как мгновенье...»	56
БУКСИР	56
«Всю высоту над Окою...»	57
ИЗБЫ	58
ЭЛЕГИЯ	59

4

ОЯ.	60
ТАНГО С ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ	63
БОЛЬШАЯ ПЕСНЯ	64
«Прохудился лапоток...»	65
СУШЬ	66

5

У РЕКИ	67
ВОДИЧКА	68
ПРОСТРАНСТВО	69
ЛИЛИЯ	69
РЕЧИТАТИВ	70
ЛЕМНОС	71

6

БРИТАНИЯ	72
«Из волнистых, извилистых створок...»	73
«Блюдо с шапкой риса...»	73
ЧАЙКИ В ЛУННОМ И АЛОМ	74

7

ТОПОНИМИКА	78
ОГОВОРКА	78
ВЕЛИКИЙ ПОСТ	79
НА ЧИСТЕНЬКИХ. МАРТ	80

III. ВЕНЕЦИЯ-СЕВЕР, ВЕНЕЦИЯ-ЮГ

ПАВЕЛ I. ПРИЗРАК	85
ЛЬВИЦА	89
МОНТЕНЬ	92
ГОНДОЛЬЕР	94
НА ПУТЯХ	96
ВЕНЕЦИЯ	97
ГЕНИЙ МЕСТА	99
САН-МИКЕЛЕ	100
ПЕТЕРБУРГ В ДЕКАБРЕ	103
ПЬЯЦЕТТА	104
«Дом Довлатова на Рубинштейна...»	105
НЕВВИА	106
ЗИМНЯЯ КАНАВКА	110

IV. ПОРТРЕТЫ

АСМОДЕЙ	113
ШЕКСПИР. ВЕРСИЯ ПОРТРЕТА И ДВА МОТИВА	115
ГАБРИЭЛИ	117
КАБАЛЬЕРО	119
ПУШКИН	
Рождение поэта	121
Мой портрет	121

АЛЕКСАНДР I. ВЕНА	123
КОЗЬМА ПРУТКОВ	
Автопортрет.	133
Лири	134
Машинист Беккауер	135
Говорящая фамилия	135
Стирка. Басня.	137
К вельможе	138
Отец Егорий (Носов)	140
Мой портрет в старости	141
ЗАБЛУДИВШИЙСЯ БАС	142
ЧАРЛИ ЧАПЛИН	143
ВЕРТИНСКИЙ. СЕРЕБРЯНЫЕ БУСЫ	144
БОРИС ЧИЧИБАБИН. ЧУДО	145
ОДРИ	
О счастье	147
В Альпах	148
АНГЕЛ	149
АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ. БОР	150
«Женщина плачет, склонясь над столом...»	151
ДАВИД САМОЙЛОВ. ВОЛК, БАБУШКА И ДРОВОСЕК	152
МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ. ФОРМУЛЫ РЕЧИ	154

БУЛАТ	
Прощание	156
Старые песни	157
КОНДАКОВ – ТРОПАРЁВ	158
БОЛЬНОЙ КОТЕНОК	160
БЕЛЛА АХМАДУЛИНА. ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ ПРИТВОРЕННУЮ ДВЕРЬ	163
КРАСАВИЦА-XXI	166
ИОСИФ БРОДСКИЙ. ПИСЬМА ИЗ ПРОВИНЦИИ	168
СПЯЩЕМУ	171
СКРИПАЧ	172
МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ. ФЛАГМАН ЕВРЕЙСКОГО ФЛОТА	173
Библиография поэтических книг автора	176

Художественное издание

Алексей Евгеньевич Смирнов

**ЛИРА ВОДОЛЕЯ
ИЗБРАННОЕ**

Издатель *Леонид Янович*
Корректор *Алла Калмыкова*
Художник *Владимир Хананов*
Верстка и оригинал-макет *Михаил Щербов*
Фото предоставил *Геннадий Калашников*

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон: +7 (916) 651-30-94
по вопросам реализации: +7 (903) 669-69-09
E-mail: nkhronograf@mail.ru
Информация об издательстве: www.novhron.info

Подписано к печати: 13.04.2021
Формат 60 × 90 / 16, бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 11,5 печ. л.
Тираж 100 экз
Отпечатано в «Т8 Издательские технологии»

ISBN 978-5-94881-470-4

9 785948 814704

МОСКВА **новый хронограф** 2021